

Золотая всадница

Автор:

[Валерия Вербинина](#)

Золотая всадница

Валерия Вербинина

Амалия - секретный агент императора #15

Сердце Амалии разбито – возлюбленный обвенчался с ее лучшей подругой! История стара как мир: в любви, как на войне, по-прежнему каждый сам за себя... Амалия вычеркнула предателей из своей жизни, но куда деваться от сочувствующих взглядов и перешептываний за спиной?.. После недолгих колебаний она согласилась на новое задание особой службы: отправиться в одну из балканских стран и убедить короля Стефана подписать важный для Российской империи договор. Однако как это сделать, если при дворе Стефана правит бал его фаворитка, очаровательная балерина Лотта Рейнлейн? Амалии приходится пустить в ход все свое обаяние, и ее чары, как оказалось, подействовали не только на легкомысленного монарха...

Валерия Вербинина

Золотая всадница

Глава 1

Военно-морской вопрос

– Должен признаться, нас очень беспокоит положение дел в Иллирии, – промолвил военный министр и со значением посмотрел на свою собеседницу.

Сидевшая в кресле напротив дама отвела взгляд от окна, наполовину завешенного тяжелой бархатной портьерой с золотыми кистями, и вопросительно изогнула брови, ожидая продолжения.

– Впрочем, с этими балканскими странами никогда нельзя быть ни в чем уверенным, – добавил министр К. с легкой улыбкой. – А в нынешних обстоятельствах и подавно. Вам, конечно, известно, что Австро-Венгрия и Германия готовы на все, чтобы подорвать наше влияние в этом регионе. До известной степени нам удалось нейтрализовать их усилия, заручившись поддержкой Сербии, и было бы замечательно привлечь на свою сторону и Иллирийское королевство.

– Так за чем же дело стало? – спросила собеседница спокойно. – Насколько я помню, министр иностранных дел граф Муравьев не так давно подписывал с иллирийцами некие договоры, которые предпочли сохранить в тайне.

– Это было еще при покойном короле Владиславе, – кивнул министр. – Как вы помните, он пришел к власти после весьма неприятных событий... после того, как республиканцы изгнали предыдущего короля, кузена Владислава. Однако республика в Иллирии не прижилась, международный авторитет державы сильно пошатнулся, а с австрийцами дело едва не дошло до войны. Поэтому иллирийцы решили призвать на царство Владислава, зная его чувство меры и другие выдающиеся качества. Изгнанный король к тому моменту уже успел отказаться от своих прав, а его сын в результате несчастного случая стал калекой и не мог наследовать трон[1 - Об этом подробно рассказывается в романе французского писателя Альфонса Доде «Короли в изгнании»]. Кандидатуру Владислава одобрило большинство европейских монархов, и ему действительно удалось... гм... существенно поправить дела страны, не впадая при этом в крайности. К сожалению, год назад король неожиданно скончался от тяжелой болезни, а его наследник...

И министр выдержал чрезвычайно благонамеренную, но в то же время чертовски двусмысленную паузу, давая понять, что наследник оказался не на высоте положения.

– Король Владислав с готовностью подписал с нами договор о дружбе и союзнничестве. Это было только начало, далее мы должны были заключить с иллирийцами соглашение по поводу Дубровника, но не успели. И вот теперь новый король... – Военный министр поморщился. – Словом, Амалия Константиновна, ситуация стала крайне запутанной. Король Стефан на словах выказывает желание сотрудничать с нами, но на деле всячески затягивает подписание договора о Дубровнике.

– Дубровник – это бывшая Рагуза? – спросила Амалия. – Морской порт?

– Совершенно верно, госпожа баронесса. Он интересен тем, что мы собирались разместить там нашу военно-морскую базу.

Амалия нахмурилась. И так, Дубровник, а совсем рядом – земли Австрийской империи. Конечно, австрийцы с союзниками сделают все от них зависящее, чтобы не допустить никакой российской базы по соседству со своими владениями.

– Покойный король Владислав прекрасно понимал, что российская военная база на его территории заставит врагов Иллирии поостеречься. К тому же мы уже бывали в Дубровнике. Если помните, еще при Екатерине граф Орлов приводил туда нашу эскадру, так что, в сущности, ничего особенного в нашем желании не было.

Разумеется, подумала про себя Амалия, устроить военную базу в стратегически выгодном и важном месте – какие пустяки!

– Увы, при жизни короля Владислава мы не успели осуществить этот план, а его сын делает все, чтобы избежать разговора о Дубровнике и присутствии там российского флота. – Военный министр развел руками. – Между тем, госпожа баронесса, этот вопрос для нас чрезвычайно важен. У нас хорошие отношения с Сербским королевством, но у Сербии нет выхода к морю, и в этом вопросе она нам не помощник. Вот если бы нам удалось закрепиться в Дубровнике...

Амалия пошевелилась, раскрыла веер и стала им обмахиваться.

– Вам должно быть известно, Алексей Николаевич, что я больше не состою на особой службе, – спокойно промолвила молодая женщина. – Кроме того, я

полагаю, что это дело скорее по дипломатической части.

Однако переубедить К. было не так-то легко.

– Мы уже пытались использовать дипломатические каналы, но все старания наших людей только запутали ситуацию. Очевидно, что король Стефан не хочет пускать нас в Дубровник, а между тем нам необходимо там закрепиться. Это обезопасит нас от, гм, необдуманных действий, которые могут последовать со стороны недружественной нам Австро-Венгрии.

– И подставит под удар саму Иллирию, – тихо напомнила Амалия.

– Это политика, госпожа баронесса. – Военный министр пожал плечами. – К тому же Иллирия будет нашей союзницей, и мы, в случае чего, всегда придем ей на помощь.

Баронесса Корф сложила веер. Глаза ее сверкнули.

– Боюсь, Алексей Николаевич, иллирийцам этого недостаточно, чтобы рисковать серьезной ссорой с таким могущественным соседом, как Австрийская империя. Кроме того, если хотите знать, что я думаю о российских войнах...

– Да?

– Россия обыкновенно так выигрывает войны, что лучше бы она их проигрывала, – сухо заметила баронесса Корф. – Все время одно и то же: неоправданные людские потери и утрата контроля над ситуацией, когда война наконец кончается. Выигрывать мы, положим, умеем, но пользоваться плодами победы – никак не научимся. Вспомните хотя бы нашу войну с турками при покойном государе Александре Николаевиче.

Однако военный министр улыбнулся.

– Неужели вы против освобождения Болгарии, Амалия Константиновна?

– Нет, но меня изумляет, с какой быстротой отвернулась от нас страна, которой вообще могло не быть на карте, если бы не наше вмешательство.

– Я вижу, вы не слишком жалуете наше правительство, Амалия Константиновна, – сказал К. после паузы.

– Правительство? – Баронесса Корф раздраженно повела плечами, и по тому, как сверкнули ее карие глаза, военный министр догадался, что его гостя разошлась не на шутку. – В России, Алексей Николаевич, бывает только два правительства: плохое и очень плохое. И нам следует благодарить бога, что мы имеем всего лишь плохое правительство, потому что очень плохое – это либо кровопийца Иван Грозный, пропади он пропадом, либо Лжедмитрий, Смутное время и гражданская война. Пусть уж лучше будет просто плохое правительство.

Военный министр почувствовал беспокойство. Разговор никак не поворачивался в нужное ему русло. Казалось бы, с начальником особой службы генералом Багратионовым было решено, что именно Амалия Корф подходит для того, чтобы выполнить деликатное задание и вынудить иллирийского монарха пустить русские корабли в Дубровник. А теперь оказывается, что эта дама не почитает ни военный престиж империи, ни правительство и мысли высказывает самые возмутительные. Да еще, нимало не обинуясь, смотрит ему прямо в глаза, словно нарочно испытывает его терпение. Однако К. был достаточно умен и терпелив, чтобы обратить любую ситуацию к своей выгоде.

– Право, не знаю, Амалия Константиновна, что с вами сегодня такое, – промолвил он шутливым тоном, откидываясь на спинку кресла. – Конечно, весна в Петербурге никак не наступит, да-с... меланхолия, так сказать... – Он вздохнул и примирительно улыбнулся, изучая свою собеседницу. – Я первый готов признать, что у нашего правительства есть недостатки, но служба отечеству...

Амалия с досадой подумала, что К., по своему обыкновению, сейчас произнесет длинную, пустую, убаюкивающую речь о том, что и так всем прекрасно известно, но министр заметил выражение ее лица и вовремя остановился.

– Однако мы собрались здесь вовсе не для политических прений, госпожа баронесса. Что бы вы – и я – ни думали о нашей державе в частном, так сказать, порядке, мы оба служим ей. И я бы не вызвал вас, если бы вопрос о Дубровнике не имел первостепенного значения.

– Я понимаю, – ответила Амалия, устало глядя в окно. – Но не вижу, каким способом я могу помочь. Я никогда не была в Иллирии, никого там не знаю и,

боюсь, не смогу иметь на короля никакого влияния.

– Тем не менее мы хотели бы, чтобы вы поехали в Любляну. Мы очень, очень на вас рассчитываем, потому что если не вы, то никто другой с этим и подавно не справится.

Амалия с неудовольствием покосилась на своего собеседника.

– Мне 36 лет, Алексей Николаевич, – с некоторым вызовом в голосе промолвила она.

– Тем не менее я уверен, что вы найдете нужные доводы, чтобы повлиять на короля Стефана. Со своей стороны, мы готовы предоставить вам любую помощь. – Слово «любую» К. подчеркнул голосом.

В кабинете повисло напряженное молчание.

– Чего, собственно, король хочет? – спросила Амалия. – Почему он тянет с подписанием соглашения? Может быть, он уже заключил тайный договор с Австро-Венгрией, чтобы не пускать нас в Дубровник?

– По нашим данным, – хмуро ответил министр, – такого договора пока нет, но разговоры о нем ведутся. Все дело в балерине Рейнлейн, которая, гм, пользуется покровительством его величества. Мы полагаем, что она является австрийским агентом влияния, а это крайне... крайне осложняет ситуацию. Король Стефан немного легкомысленен и склонен принимать решения под влиянием минуты. Что, конечно, может серьезно повлиять на наши отношения, – задумчиво добавил министр.

– Сколько лет королю? – спросила Амалия.

– 27.

– Не самый подходящий возраст для легкомыслия, – заметила баронесса Корф. – Хорошо, Алексей Николаевич. Чего именно вы от меня хотите?

– Чтобы мы получили право разместить нашу военно-морскую базу в Дубровнике. Как именно вы этого добьетесь, нас не интересует. Важен только результат. – Военный министр заколебался, и это не укрылось от Амалии. – Кроме того, полагаю, вам необходимо знать еще кое-что. Период республиканского разброда, гм, очень пришелся по вкусу некоторым... безответственным личностям. Судя по депешам, которые мы с Багратионовым получаем от нашего резидента в Любляне, положение короля не так прочно, как нам хотелось бы.

Амалия пристально посмотрела на министра.

– Это ведь на короля Стефана недавно было совершено покушение, не так ли?

– На него покушались уже дважды, госпожа баронесса.

– Республиканцы?

– Судя по всему, да. Покойный король Владислав, как я уже говорил, был человеком умеренных взглядов и не слишком их преследовал. Стефан же изгнал из страны республиканских вожаков, и теперь они только и делают, что из Парижа и Лондона призывают к вооруженному мятежу. Но главное даже не попытки республиканцев ниспровергнуть существующий в Иллирии строй. Дело в том, что у короля есть только три дочери, и право наследовать престол на них не распространяется. В случае гибели нынешнего монарха трон займет его двоюродный брат, который воспитывался в Германии и находится под влиянием кайзера. Так вот, Амалия Константиновна, перемена правителя для нас крайне нежелательна. Вы понимаете, что я имею в виду?

«Как нельзя лучше», – подумала баронесса Корф. Получается, предстоит ехать на край Европы к легкомысленному монарху, чья власть висит на волоске. И мало того что ей надо убедить его сделать то, что он, по-видимому, делать не хочет, надо еще и позаботиться о том, чтобы правителя Иллирии ненароком не ухлопали до того, как он подпишет нужное России соглашение. С одной стороны, интригуют республиканцы, с другой стороны – братец и стоящий за ним кайзер, а где кайзер, там и австрийский император, потому что оба – враги России. Ах, политика, политика! Да еще эта балерина, с которой надо соперничать за влияние на короля... Амалия почувствовала, как у нее от досады сводит скулы. Она терпеть не могла балерин, чья профессия в те времена недалеко ушла от работы в привилегированном публичном доме, да и балет, надо сказать, не

слишком жаловала.

– Вы даете мне чрезвычайно сложное поручение, Алексей Николаевич, – проворчала Амалия. Военный министр в ответ лишь скромно улыбнулся, и улыбка эта говорила: разумеется, будь задача попроще, мы бы вызвали не вас, уважая ваши выдающиеся способности. – Как зовут нашего резидента в Любляне?

– Петр Петрович Оленин.

Оленина Амалия не знала, и это обстоятельство ничуть не улучшило ее настроения.

– Можно еще один вопрос? Как у короля обстоят дела с финансами?

– Хорошо. Недавно в стране открыли новое месторождение, и, по-моему, там есть даже золото... или серебро... Точнее можно узнать у Петра Петровича.

Н-да. Одно дело – пытаться повлиять на монарха, которому нужны деньги, и совсем другое – искать управу на того, кто вовсе не стеснен в средствах. Однако, к счастью, не только деньги движут миром.

– У нас есть на короля что-либо компрометирующее?

К. заерзал в кресле.оборот, который принимал разговор, военному министру нравился все меньше и меньше. Алексей Николаевич, как человек светский, безусловно, предпочел бы, чтобы по отношению к монаршей особе было проявлено больше деликатности. Вполголоса, словно кто-то мог их слышать, он ответил, что, насколько ему известно, ничего особенного за молодым королем не числится. Ну, были интрижки, различные любовные истории, но ничего особенного, ровным счетом ничего, понимаете?

– Само собой, наш резидент изучил все материалы о короле и мадемуазель Рейнлейн, и если бы что-то было, то уж наши дипломаты...

Ну да. Они бы использовали имеющиеся козыри, и никто не вызывал бы в кабинет военного министра с просьбой о помощи баронессу Корф.

– Так вы согласны, сударыня? До Любляны от нас нет прямого поезда, но «Северный экспресс», который идет в Париж, позволит вам проделать большую часть пути с комфортом. В Варшаве вы пересядете на поезд до Вены, а оттуда – на люблянский.

Таким образом, ехать придется с двумя пересадками, да еще через недружественную Вену. Не будь пересадок, не исключено, что военному министру удалось бы уломать баронессу Корф; однако судьбы стран, как известно, нередко решают самые незначительные обстоятельства, и Амалия решила, что пора ставить точку в этом затянувшемся разговоре.

– Мне очень жаль, Алексей Николаевич, – сказала она, улыбнувшись самой светской, самой любезной из своих улыбок, – но я не могу согласиться на предлагаемую мне миссию. В данных условиях я не вижу ни одного способа добиться того, чего вы хотите, и считаю трату государственных средств и своего времени совершенно бесполезными. – Пораженный министр открыл рот, чтобы возразить, но Амалия уже поднялась с места. – Если вас интересует мое мнение, найдите в кордебалете Большого театра балерину поизворотливее, чем эта Рейнлейн, и пошлите ее в Любляну с нашим агентом. Возможно, так вам удастся убедить короля сделать то, чего так хочет наше правительство. Есть, впрочем, и другой способ: найти среди ближайших наследников короля того, кто считает, что интересы Иллирийского королевства совпадают с интересами Российской империи, и расчистить ему дорогу к трону.

– Амалия Константиновна! – К. едва не задохнулся от негодования. – Прошу вас, мы ведь не какие-то террористы, чтобы действовать подобным образом! Особа монарха для нас священна, и мы никогда...

Увы, но приходится признать, что К. был совершенно прав: век девятнадцатый еще не утратил уважения к человеческой жизни и особенно – к жизни правителя, будь он хоть сто раз врагом. Наполеон не пытался убить своего соперника, французского короля в изгнании, а англичане, в свою очередь, всего лишь сослали Наполеона. А ведь происходи эти события в наши дни, с опальным императором наверняка расправились бы без суда и следствия, да еще не забыли бы упомянуть о том, что это было сделано исключительно ради торжества демократии и мира во всем мире.

– В таком случае, – сказала Амалия, – остается только ждать, когда мадемуазель Рейнлейн наскучит иллирийскому королю. Всего доброго, милостивый

государь.<MI>

И, ослепительно улыбнувшись на прощание, она удалилась, а изумленный министр стоял и смотрел ей вслед.

Глава 2

Пожелание удачи

Пока Амалия Константиновна едет в карете домой, откроем читателю одну маленькую тайну. Дело в том, что, сам того не подозревая, военный министр попал в точку, предположив, что резкие выпады баронессы Корф были вызваны ее меланхолическим настроением. А если говорить начистоту, то Амалия уже несколько дней пребывала в самом скверном расположении духа.

Причиной этого было известие, напечатанное в одной из газет, о том, что княжна Мария Орлова вышла замуж в Москве за некоего господина. Оба счастливых молодожена были Амалии хорошо знакомы. С Марией или, как ее называли по-домашнему, Мусей Амалия дружила много лет[2 - О начале этой дружбы можно прочитать в романе «Отравленная маска»]. В юности у княжны случился неудачный роман с Верещагиным, журналистом, который подавал большие надежды, но, увы, абсолютно был ей не пара. Ловкий господин Верещагин быстро утешился, найдя богатую невесту из купеческого сословия. На ее деньги он основал ряд процветающих изданий, после чего и думать забыл о бедной Мусе.

Эта история испортила ей жизнь, а сплетни, исказившие все случившееся, привели к тому, что княжна долгое время не могла выйти замуж. И вот наконец знаменательное событие свершилось, но о нем Амалию – как-никак ближайшую подругу – даже не поставили в известность. А все потому, что жених княжны тоже был другом Амалии. И даже более чем другом.

Словом, в одно далеко не прекрасное утро Амалия открыла газету и увидела, что ее любовник обвенчался с ее же подругой. Моя героиня перечитала заметку дважды, чтобы уяснить ее смысл, после чего отложила газету (хотя очень

хотела просто ее отшвырнуть) и допила кофе, не чувствуя его вкуса.

Ее душила злоба – тот сорт раздражения, самый опасный, который рождается из уязвленного самолюбия и ощущения, что тебя провели, хотя ты ничем этого не заслужил. Тотчас же Амалия вспомнила разные мелкие детали, смущение Муси, которой при ней как-то принесли запечатанное письмо, то, что княжна Орлова без всякого повода послала ей в последнее время несколько дорогих подарков, и ее настроение разом ухудшилось. Получалось, что ее обманули самым обидным, недостойным способом, предали, выражаясь языком великосветских романов, и это было едва ли не оскорбительнее всего.

Напрасно она призывала на помощь все свое самообладание, напрасно напоминала себе, что не придавала связи с будущим мужем Муси (а, щучья холера!) особого значения и не собиралась за него замуж, даже когда он делал ей предложение, а делал он это несколько раз. И ей впервые пришло в голову, что для него, человека также самолюбивого, неоднократные отказы были крайне обидны, и весьма возможно, что Муся, которая была в курсе их отношений, вольно или невольно могла сыграть на этом. Однако вообще вся эта история – свадьба втайне от всех, извещение в газете, поразившее как гром среди ясного неба – выглядела настолько пошлой, настолько унижительной, что совершенно выбила Амалию из колеи. К тому же вскоре ее навестил бывший муж, барон Корф. Поглядев на его лицо, Амалия подумала, что сейчас он начнет выражать ей соболезнования – ведь в свое время Амалия тоже ушла от него, и теперь, можно сказать, барон был отомщен с лихвой. Однако Александр Корф был слишком благородным человеком, чтобы унижаться до столь мелочного сведения счетов, к тому же он пришел к бывшей жене совсем по другому делу.

– Миша влюбился, – сказал он.

Миша был их общим сыном, которому уже сравнялось 17 лет. Он учился в Пажеском корпусе, и его ждала блестящая карьера, которая, бог весть отчего, не устраивала Амалию. К тому же она заметила, что в последнее время сын начинает от нее отдаляться, все больше переходя под влияние своих великосветских друзей, и ей это не нравилось. И вот словно для того, чтобы оправдать ее опасения, бывший муж рассказал ей, что их сын влюбился в какую-то балерину, и, кажется, дело зашло настолько далеко, что он хочет на ней жениться.

– Очень мило, – сказала Амалия придушенным голосом. В предыдущей главе мы уже упоминали, кем в то время считались балерины. – И как вы предлагаете исправить положение?

Барон поморщился и сказал, что, очевидно, Мишу придется женить на ком-нибудь другом. Тут Амалия вспомнила, что ей уже 36 лет, что, если сын женится, она, вполне вероятно, станет бабушкой, и испытала ужас от одной этой мысли.

Итак, сына придется образумить, и если у него появятся дети... И еще Мусина свадьба, черт бы их всех побрал!

Амалия чувствовала внутренний бунт и ни с кем не могла поделиться. Жизнь упорно навязывала ей роли, к которым она оказалась не готова. Тут тебе разом и обманутая женщина (да-да, обманутая!), и без пяти минут бабушка, и 36 лет за плечами... Но она не чувствует этих лет, она на них не выглядит, и на улице весна, и сердцу хочется любви и надежды, а тут – на тебе! – сын творит одни глупости, газетное извещение глумится над ней каждой своей буквой, и еще эта записка от военного министра с птичьей фамилией...

Амалия сказала мужу, что всецело полагается на его благоразумие, пообещала поговорить с Мишей, прекрасно зная, что никакие доводы на юного и влюбленного человека не подействуют, и отправила министру ответ, что готова быть у него завтра, чтобы обсудить то, что его интересует.

Она надеялась, что работа, которая уже столько раз ее спасала, и на этот раз отвлечет от тяжелых и – будем откровенны – совершенно бесполезных мыслей. Потому что можно делать все что угодно – рыдать, ломать руки, бить дорогой фарфор и посылать небу горькие жалобы – ничего это не изменит. Двое людей, которым она доверяла, сочли возможным обойтись с ней так, как обошлись. Теперь надо было с наименьшими потерями пережить это неприятное испытание и идти дальше, и благополучно дожждаться момента, когда столкнешься с предателями на улице лицом к лицу и искренне удивишься про себя: «Боже! И что это я тогда так переживала?» Или, как говорила ее матушка Аделаида Станиславовна: «Ни один человек на свете не стоит твоей слезы, если не умеет тебя ценить».

Итак, Амалия приехала в условленное время к военному министру, однако дело, которое он предложил, ее разочаровало. Прежде она действовала в основном в

Западной Европе, а в балканских государствах у нее не было никакой точки опоры, чтобы выполнить данную миссию. Кроме того, Иллирийское королевство уже долгое время не доставляло Европе ничего, кроме головной боли. При Наполеоне разнородные провинции были объединены и выделены в отдельное государство. После падения императора к власти пришел король Христиан Первый, который сумел последовательно отбить нападения австрийцев и сербов и сохранить единство страны, – правда, не обошлось без утраты части территории, которую все же пришлось уступить противникам. Однако в Иллирии проживало слишком много народностей, в стране не было религиозного единства, что постоянно приводило к внутренним конфликтам, которыми пытались воспользоваться враги извне. Католики враждовали с православными и мусульманами, хорваты – с сербами, словенцами и итальянцами, жители гор презирали жителей побережья, которые платили им той же монетой. По уровню развития страна никак не могла считаться передовой, а тут еще интеллигенция, как всегда, полная самых благих намерений и, как всегда, не имеющая понятия, как их осуществить. И когда к власти пришел слабохарактерный Христиан Третий (это было уже в шестидесятые годы), ситуация стала критической. Первые короли прекрасно осознавали, что в такой стране, как Иллирия, власть может быть только самодержавной, и не допускали никаких покушений на нее. При последнем Христиане начались волнения: народ требовал создать парламент, утвердить конституцию, отменить цензуру, дать свободу политзаключенным и осуществить много других вещей, которые непременно должны были привести к иллирийскому золотому веку. Король пытался лавировать, но влияние твердолобой и упрямой королевы Фредерики, его супруги, оказалось сильнее, а манера поведения государыни, больше подходящая супруге неограниченного монарха образца XVII века, окончательно испортила отношения между королем и даже теми министрами, которые предлагали обойтись внешними уступками, ничего не меняя по существу. В конце концов, все завершилось банальным мятежом, в ходе которого войска позволили восставшему народу действовать как ему заблагорассудится. Вместе с мужем и маленьким сыном Фредерика бежала в Дубровник, где еще оставались верные короне части.

Последовала длительная, мучительная осада города мятежными войсками, которую известный монархист поэт Брегович описал в своих знаменитых стихах, и в итоге королю с семьей пришлось бежать в Париж. Там он наконец-то почувствовал себя человеком и с усердием принялся прожигать жизнь, не обращая более внимания на жену, которая порядком ему наскучила[3 - Обо всем этом рассказывается в романе Доде «Короли в изгнании»]. В Иллирии тем временем был создан парламент, а дальше началась вечная история лебедя,

рака и щуки, которые пытаются тащить государственный воз и только топчутся на месте. Впрочем, главный смысл этой басни обычно никто не замечает – ведь ни лебедь, ни щука, ни рак тягловыми животными не являются в принципе, и доверять им везти что бы то ни было совершенно бессмысленно.

Пока депутаты произносили речи и рьяно обличали друг друга во всех смертных грехах, на границах активизировалась Австрия, да и Сербия была не прочь заявить свои права на часть иллирийских территорий. Видя, что страну могут просто-напросто разорвать на части, правящие верхи испугались и решили хотя бы для виду вернуться к монархии, чтобы договориться с соседями. Христиан к тому времени уже отрекся от престола, а его больной сын не мог претендовать на трон, что более чем устраивало членов парламента, которые отлично понимали, что ненавистная Фредерика играла бы при малолетнем короле роль регентши и прежде всего принялась бы сводить старые счеты. После длительных консультаций с лидерами европейских держав было решено предложить корону Владиславу, двоюродному брату Христиана. Он числился на хорошем счету у Австрии, был женат на немецкой принцессе и сумел расположить к себе Россию. Кроме того, было известно, что Владислав – человек уравновешенный, спокойный и чуждый каких бы то ни было крайностям. Предполагалось, что он не станет мешать депутатам править и в то же время прекрасно будет представлять страну на международной арене. К тому же все знали, что он терпеть не может бывшую королеву, а значит, не допустит ее влияния на государственные дела.

Владислав прибыл в страну, принес присягу народу и парламенту, распорядился отремонтировать и обновить королевские дворцы в Любляне и Дубровнике, которые из нелюбви к предыдущим монархам толпа разграбила подчистую, и стал завоевывать сердца своих подданных. Попутно он незаметно, но последовательно снижал роль парламента, раздавал щедрые награды друзьям и особенно тем, кто все еще смотрел на него косо, и на одном из обедов публично заявил, что сам он вообще-то республиканец, просто король по профессии. В прошлом он получил прекрасное образование и по приезде едва ли не первым делом пожертвовал Люблянскому университету библиотеку, собранную предыдущими королями, точнее, то, что от нее осталось. Он всегда был учтив и любезен, отличался красноречием, но при этом не утомлял слушателей и, когда того требовала ситуация, не лез за словом в карман. Некоторые министры, впрочем, утверждали, что он особенно любезен тогда, когда отправляет человека в отставку или же выставляет его за дверь, выжав все, что ему было нужно. Когда в Любляне поймали карикатуриста, который в подпольной газете изобразил худощавого, сутулого короля в особенно неприглядном виде, монарх

распорядился пригласить его во дворец и угостил первоклассным обедом, заметив при этом:

– Полагаю, что вам будет проще рисовать меня с натуры... Милан! Бумагу и карандаши господину художнику, пожалуйста.

Само собой, что после спаржи и рябчиков а-ля русс рисовать карикатуры на короля было как-то неудобно, но художник все же попытался не ударить в грязь лицом.

– Очень, очень мило, – снисходительно одобрил король, глядя на рисунок, на котором был изображен в виде вопросительного знака. – Вы не против, если я приберегу ваше творение для люблянского королевского музея, маэстро?

Маэстро только молча поклонился; он был вовсе не глуп и понимал, что все козыри на руках у его собеседника. Конечно, слова «поборник свободы печати» звучат гордо, но одно дело – когда тебя за это притесняют, бросают в грязную, зловонную камеру и ты выглядишь героем, и совсем другое – когда тебя хвалят, угощают обедом во дворце и дают деньги, на которые можно безбедно прожить несколько лет.

Подобным образом король прибрал к рукам всех недовольных, точнее, тех из них, которые имели хоть какой-то вес. Он отлично знал, что человек, как и цветок, раскрывается при хорошем обращении, а любой сорняк всегда можно вырвать с корнем, было бы желание. Между кнутом и пряником Владислав всегда выбирал второе, и его обходительность, его харизма, его умение разговаривать с каждым на его языке были таковы, что он умело обводил вокруг пальца любого человека для достижения своих целей. Он не мог справиться только с упертыми монархистами, сторонниками Фредерики, которые считали, что он захватил престол, принадлежащий по праву ее мужу, и с непримиримыми республиканцами, для которых любой монарх был узурпатором по определению. Впрочем, даже республиканцы, видя, как он правит, начинали колебаться. Он непреклонно защищал права своей страны, не позволял себе никакой жестокости, был прост в личном обращении – хотя, разумеется, монаршая простота всегда обманчива – и в повседневной жизни одевался непримечательно, что импонировало его подданным, большинство из которых не было избаловано роскошью. О том, что внешне скромный монарх не забывал откладывать крупные суммы в зарубежных банках – он был умен и отлично помнил судьбу своих изгнанных предшественников, – само собой, мало кто знал.

Практически никто не догадывался, что несколько министров попеременно выполняют роли, требующие жесткости, а то и жестокости. Так было при подавлении мятежа, инспирированного австрийцами, когда были убиты тысячи людей, а король, разумеется, в это время хворал и не знал, какой приказ отдал его слуга. Едва король выздоровел (чудесным образом это совпало с полным подавлением мятежа и уничтожением без суда всех австрийских агентов в регионе), он, конечно, страшно разгневался и выгнал министра, заявив, что не потерпит никакого кровопролития в своей стране.

– Наших подданных надо беречь, все они дороги нашему сердцу! Что касается восставших, то они получают амнистию при условии, что более не примутся за старое.

Газеты на все лады восхваляли человеколюбие короля, умалчивая о том, что амнистировать, по сути, было некого: старый генерал Розен, когда-то служивший Христиану, а потом перешедший к Владиславу, прошелся по восставшим землям огнем и мечом, не щадя никого.

Прямым следствием инспирированного австрийцами мятежа стало то, что Владислав задумался о более прочном союзе с Россией. До сих пор его позиция сводилась к строгому нейтралитету, но, имея под боком такого монстра, как Австро-Венгрия, стоило позаботиться о будущем, чтобы не быть съеденным. Именно в это время был заключен секретный договор с Россией, а потом... Потом хитрого старого лиса настигла безжалостная судьба.

Владислав, всегда притворно болевший, когда нужно было принимать трудное или непопулярное решение, заболел по-настоящему. Врачи диагностировали рак. Умирал король долго и мучительно, но ему, наверное, не было безразлично, что, узнав о его болезни, жители королевства – хорваты, сербы, словенцы, итальянцы, горцы, горожане, крестьяне, католики, православные, мусульмане, протестанты – стали молиться за его здоровье, посылать знахарей и целителей, писать трогательные малограмотные письма и приносить многочисленные амулеты, которые были призваны его исцелить. Но Владислав, даже умирая, оставался реалистом: он понимал, что обречен, что амулеты и знахари не помогут, и все же улыбался из последних сил всякому, кого допускали к его постели, и по-прежнему был любезен, прост и ласков в обращении. В последние дни, когда боли сделались особенно невыносимыми и врачи без перерыва давали больному морфий, он почти все время находился в забытии, но перед смертью ненадолго пришел в себя. Жена, все это время сидевшая у его постели,

встрепенулась и послала адъютанта полковника Войкевича за наследником. Ей казалось, что умирающий силится сказать что-то, и она полагала, что это может быть нечто очень важное.

- Николай... - прошептал король, сжимая ее руку.

Она похолодела, думая, что он говорит об их младшем сыне, который по недосмотру прислуги утонул в детстве. Но затем она разобрала:

- Царь... Павлович...

Она поняла, что он имеет в виду русского императора, который давно умер, и мучительно пыталась понять, что имеет в виду муж. Между ними всегда были очень теплые отношения, и она знала - он никогда не изменял ей, хотя у него была масса возможностей, особенно когда он стал королем. Вошли полковник Войкевич с бледным, растерянным наследником, и стали возле изголовья.

- Сказал... сказал... - бормотал король, водя рукой по одеялу. - Помнишь?

Войкевич, который много занимался самообразованием, любил читать историческую литературу и отлично знал историю стран Европы, догадался первым.

- «Держи все»? Это было последнее напутствие царя наследнику, - объяснил он.

По лицу умирающего скользнуло нечто вроде улыбки облегчения.

- Держи... держи все... - прохрипел он, обращаясь к сыну. - Не дай им... Не дай погубить страну.

Королева тихо плакала. Через несколько минут началась агония, и ближе к вечеру король Владислав скончался.

На его похороны пришло столько народу, что не только кафедральный собор Любляны, но и площадь перед ним, и прилегающие улицы были заполнены людьми. Они ехали из Дубровника, из Сплита, из далеких деревень, спускались с гор, чтобы хоть краем глаза увидеть, как проводят в последний путь человека,

который объединил страну и навел в ней порядок. И совершенно искренне, бескорыстно приехали немногие уцелевшие участники недавнего мятежа, раскаивающиеся в том, что причинили любимому государю такое горе своим ослушанием. И Петр Петрович Оленин, русский резидент, который находился внутри собора, думал о том, что этот крайне хитрый и дальновидный человек, о котором до его правления мало кто слышал, сумел всех провести. Его выбирали как послушное орудие, а он оказался и с волей, и с характером – достаточными, чтобы управлять такой сложной страной, как Иллирия.

Однако прошло совсем немного времени, и выяснилось, что его наследник, король Стефан Первый, сделан из совсем иного теста: он пошел не в отца, а в дядю, никчемного Христиана. Он любил удовольствия и явно не собирался ни в чем себе отказывать. Его отец выше всего ставил государственные дела; сын предпочитал себя и свои желанья. Первыми почувствовали ослабление власти воинственные соседи – Австро-Венгрия, Италия и Сербия, затем зашевелились внутренние неприятели – республиканцы и сторонники Фредерики. Но если последние составляли безусловное и, скажем так, архаическое меньшинство, то республиканское движение, питаясь непопулярностью нового режима, крепло день ото дня. Почуввав опасность, Стефан поторопился принять меры, разогнал парламент, нескольких вожаков партии выдворил из страны, а кого-то бросил в казематы. Сразу же одно за другим последовали два покушения, которые при предыдущем короле казались делом немыслимым. Во Владислава однажды стрелял какой-то студент, но у старого короля был такой авторитет, что набежавшая толпа просто растерзала стрелявшего, после чего все попытки прекратились. Что же касается Стефана, то после покушений он удвоил охрану и стал обходиться с республиканцами еще круче, чем прежде. Как и все недалекие люди, он предпочитал простые решения, и ему представлялось, что отец давал республиканцам слишком много воли, а теперь настала пора закрутить гайки. Но, занятый своими политическими противниками, он не заметил, как двор мало-помалу стал превращаться в арену борьбы партий. Одни интриговали в пользу Австро-Венгрии, другие – в пользу Италии, третьи защищали интересы России. Проитальянская партия была особенно сильна среди выходцев из области Далмация, к которой относился и Дубровник. Эти края долгое время принадлежали Венеции, и здесь до сих пор проживала масса людей со звучными итальянскими фамилиями. Поэтому, когда русское правительство нацелилось на Дубровник, чтобы разместить там базу военно-морского флота, «итальянцы» возмутились, а их лидер, сенатор граф Верчелли, недвусмысленно дал понять королю, что опасается бунта и полного отделения Дубровника от страны. Так как город имел большое стратегическое и торговое значение, этого нельзя было допустить, а значит, русским надо было дать от

ворот поворот. Однако пока король Стефан всячески оттягивал подписание соглашения с русскими, Австро-Венгрия воспользовалась ситуацией и предложила, чтобы в Дубровнике стояли ее корабли, а это было все равно, что пригласить удава в гости к беззаботной семье белых мышек. Стефан понял, что ему не от кого ждать помощи, и решил, что в Дубровник он вообще никого не пустит. Некоторое облегчение принес союз с Сербией, заключенный при посредничестве России, когда две недолюбливающие друг друга страны поклялись друг другу в мире и согласии. Однако Стефан отлично понимал, что на сербов тоже нельзя полагаться, потому что они ищут выход к морю и при случае будут не прочь оттяпать кусок иллирийского побережья. Словом, жизнь короля оказалась такой хлопотной, что скрасить ее смогла только мадемуазель Рейнлейн. У нее были большие глаза, очаровательные ножки и она совершенно бесподобно крутила фуэте. А если она выслушивала жалобы короля на то, как ему тяжело с этим чертовым Дубровником, который решительно все мечтают у него отобрать, то исключительно по доброте душевной. Это, разумеется, никак не было связано с тем, что австрийский резидент Кислинг всегда первым оказывался осведомлен о шагах, которые предпринимали Россия, Сербия или Италия при иллирийском дворе.

Еще раз перебрав в уме все обстоятельства дела, Амалия почувствовала облегчение от того, что у нее хватило духу отказаться. Иначе ей пришлось бы иметь дело не только с королем и его пассией, но и интриговать против графа Верчелли, который демонстративно никогда не говорил иначе, чем по-итальянски; воевать с кузеном короля Михаилом, который представлял интересы кайзера и остерегаться генерала Ракитича, вокруг которого группировались австрийские ставленники. А еще были республиканцы, и сторонники Сербии, и группа Фредерики, и еще невесть кто.

Плохо, впрочем, было то, что она оставалась без работы, а это значило, что неприятные мысли нахлынут с новой силой. И они, действительно, так досадили Амалии, что она полночи проворочалась без сна.

Наутро мать за завтраком, поглядев на усталое, бледное лицо дочери, как бы невзначай завела речь о том, что княгиня Белозерская устраивает бал и Амалия уже давно обещала туда поехать. Баронесса Корф в принципе не любила ни балы, ни охоты, ни скачки; все это представлялось ей обременительным, скучным времяпрепровождением. Но теперь, когда ей было нечем заняться, она подумала, что бал, быть может, ее развлечет.

Для вечера она выбрала шелковое платье от Дусе[4 - Жак Дусе (1853–1929) – знаменитый французский модельер.] на сиреневом чехле с крупными нашитыми бусинами, изображающими гроздь винограда, и легким шарфом лилового цвета, являющимся частью платья и слегка прикрывающим плечи. Украшения – парюра[5 - Набор украшений в одном стиле.] с аметистами и бриллиантами, а еще веер, расписанный самим Лелуаром[6 - Морис Лелуар (1851–1940) – французский художник; более всего знаменит своими иллюстрациями к классическим произведениям мировой литературы («Три мушкетера», «Манон Леско» и др.)], с прекрасными дамами в париках по моде XVIII века.

Очаровательная баронесса Корф, которая выигрышно смотрелась в любом наряде, в этом платье была просто неотразима, и на мгновение она забыла и изменника, и лучшую – когда-то – подругу, оказавшуюся банальной змеей. По пути к Белозерской, на одном из перекрестков, карета попала в затор. Лошади фыркали и нетерпеливо топтались на месте, кучера перекликались, обсуждая причины неожиданного скопления экипажей. Оказалось, где-то впереди перевернулась тяжело груженная телега, которой правил пьяный возница.

Амалия сидела в карете, обмахиваясь веером, потом повернула голову и посмотрела в окошко, но ничего в нем не увидела, так как ее внимание привлекло собственное отражение в стекле. На нее смотрела тридцатилетняя женщина с тоскующими глазами, в которых было написано, что ее бросили, она осталась одна и ее никто не любит. Может быть, поэтому она сегодня нарядилась так ярко, чтобы ее кто-нибудь заметил и увел с этого скучного бала у старой сплетницы, где даже мороженое пропахло пылью.

Амалия похолодела. Работа в особой службе приучила ее мыслить на много ходов вперед, и теперь она словно воочию видела, как поднимается по огромной лестнице княжеского особняка, ослепительно одинокая, здороваается с хозяйкой. Та произнесет несколько любезных слов, а потом будет за глаза перебивать ей косточки и говорить – конечно же, о нем и о Мусе, и о том, как они счастливы теперь, и как должно быть скверно баронессе Корф, гордячке, которая привыкла вечно побеждать. И наверняка Белозерская добавит, что это, в конце концов, справедливо, что удача и так слишком долго была благосклонна к этой особе, а теперь настало время расплаты. И своей подруге княгиня скажет что-нибудь вроде:

– Посмотрите, милочка, она сидит в углу одна и к ней никто не подходит!

При мысли о том, что ее личное поражение окажется предметом пересудов этих дураков, у Амалии потемнело в глазах. Она постучала в стенку кареты и велела кучеру разворачиваться.

– Как же так, сударыня? Ведь это единственная дорога к особняку!

– Довольно, – проговорила Амалия. – Я никуда не еду. Возвращаемся домой.

Кучер, который за время службы у своей госпожи привык ничему не удивляться, пообещал, что попытается выбраться из затора как можно скорее, и Амалия откинулась на спинку сиденья, нервно обмахиваясь веером. Мысли ее текли однообразным, грустным потоком, и она вдруг поняла, что, как бы ей ни хотелось, в Петербурге она никуда от них не спрячется. Ее ранили, ранили очень больно, в самое сердце, а раз так... раз так, лекарство могло быть только одно. Когда она подняла голову, карета как раз проезжала мимо военного министерства.

– Степан, стой!

Конечно, она могла просто сесть на «Северный экспресс», как уже делала не один раз, и уехать в Париж. Но она знала Мусю и понимала, что та вполне может отправиться со своим новоиспеченным мужем в свадебное путешествие в столицу Франции, а Амалия намеревалась во что бы то ни стало не допускать встречи с ними.

По крайней мере, в ближайшее время, пока все не уляжется. И она, как это нередко бывало, почувствовала досаду от того, что разум бессилен справиться с некоторыми чувствами.

– Алексей Николаевич у себя? – спросила она у дежурного адъютанта, войдя в приемную.

У К. была привычка засиживаться в министерстве допоздна, хотя никто не мог сказать с уверенностью, было ли это следствие подлинного служебного рвения или он просто делал вид, что загружен работой до чрезвычайности. Он с изумлением привстал с места, когда к нему вошла баронесса в вечернем платье, с легким шарфом на плечах, оттеняющим белизну ее кожи. Бриллианты сверкали и переливались на ее шее, запястьях и в завитках белокурых волос,

глаза горели каким-то необычным, холодным огнем.

– Чем обязан, сударыня... – он запнулся, не зная, как объяснить этот неожиданный визит.

– Просто я успела передумать, – бросила Амалия. – По поводу Иллирии. Если, конечно, не передумали вы.

Министр медленно опустил обратно в кресло. Он не понимал, что нашло на баронессу Корф, но нельзя сказать, что ситуация его не устраивала.

– То есть вы готовы ехать в Любляну?

– Завтра же, если вам будет угодно. Мне нужны деньги на расходы и копии донесений нашего резидента. Я должна представлять себе, с кем мне придется иметь дело.

К. кивнул.

– Я немедленно распоряжусь, чтобы вам все доставили. Ближайший экспресс отходит завтра вечером. Что-нибудь еще?

– Да, Алексей Николаевич. Пожелайте мне удачи. Представляется, что в этом деле она очень понадобится!

Глава 3

Адъютант его величества

Едва Петр Петрович Оленин открыл утром глаза, он сразу же вспомнил, кого он должен сегодня встретить на вокзале.

Итак, в Любляну приезжает баронесса Корф, о которой он в свое время слышал столько любопытных вещей. Говорили между прочим, что она будто бы

предотвратила в одиночку большую войну[7 - Подробнее прочитать об этом можно в романе «На службе его величества».], но Петр Петрович был склонен считать, что если какой-либо войне суждено начаться, то ее не в состоянии отменить никакая земная сила. По натуре Петр Петрович был фаталистом, больше всех живых существ любил своего кота Ваську и раз в неделю отправлял курьером в Петербург подробнейшие донесения обо всем, что творилось при иллирийском дворе. Некоторое время назад он первым уловил неблагоприятные для России признаки и дал понять начальству, что подписание соглашения насчет Дубровника рискует затянуться до Страшного суда. Сначала Петра Петровича, как водится, пожурили за паникерство, а потом, получив из дюжины дополнительных источников те же сведения, встревожились. В Любляну приехал опытный дипломат граф Ламсдорф и попробовал найти подходы к королю Стефану. Ламсдорф беседовал с ним и доверительно, и по-отечески, ссылаясь на союзный договор, на священную обязанность славян дружить между собою и так далее. Стефан, который имел в роду дюжину немцев, столько же австрийцев, чуть меньше французов и итальянцев, но ни одного славянина, произнес в ответ прочувствованную речь и прослезился, но соглашения не подписал. Ламсдорф не отступал и пробовал убедить его и так и эдак, но ничего не добился и уехал восвояси с неприятным ощущением от проваленной миссии, которая может ой как аукнуться Российской империи. И вот теперь в качестве последнего средства из Петербурга посылают баронессу Корф, вероятно, рассчитывая на то, что женщине будет легче растопить сердце монарха.

«Ну, Рейнлейн вряд ли это допустит», – усмехнулся про себя Петр Петрович и отправился кормить кота.

Поезд баронессы должен был прибыть на вокзал в полдень, но, отлично зная особенности балканского транспорта, Петр Петрович явился в половине первого. Его расчеты полностью оправдались: поезд Вена – Любляна, как всегда, опаздывал.

Петр Петрович прогулялся по перрону, возле которого росли роскошные вишневые деревья, в эту пору находящиеся в самом цвету. Однако не поэтическая красота цветущих белых вишен занимала в эти мгновения российского резидента, а мысль о том, что именно может предпринять неведомая ему баронесса Корф, чтобы добиться своего. Зная обстановку при дворе, он не сомневался, что Дубровник для России потерян окончательно, и хорошо, если удастся не допустить там присутствия австрийского флота, который способен создать большие проблемы нашим союзникам в Адриатике.

Вдали сипло свистнул локомотив и медленно- медленно, словно украдкой, стал подходить к станции. Носильщики оживились, подтянулись немногие встречающие. Поезд пропыхтел вдоль единственной платформы вокзала и остановился.

- Любляна! Любляна, конечная!

Петр Петрович приподнялся на цыпочки и тут только вспомнил, что у него нет фотографии баронессы Корф, есть только словесное описание: красивая блондинка за 30. Как сообщили ему из Петербурга в недопустимо легкомысленном стиле, «мимо, Петр Петрович, вы точно не пройдете».

«Ох столичные остряки!» - вздохнул про себя Оленин и завертел головой, высматривая ту самую блондинку.

Из вагона первого класса вышла брюнетка лет 30 с собачкой. На взгляд Петра Петровича, собачка была куда симпатичнее хозяйки. Впрочем, в данный момент брюнетки его вовсе не интересовали.

Из другого вагона показалась миловидная блондинка, и лет ей было как раз около 30. Петр Петрович двинулся было к ней, но в этот момент из вагона вышел муж блондинки, который нес на руках ребенка и о чем-то оживленно переговаривался со своей женой.

«Не то».

Из вагонов спускались военные, какие-то мужчины в цилиндрах, горничная со стертым невыразительным лицом и обширная старуха с тремя подбородками, плавно переходящими в бюст. Петр Петрович поглядел на нее и подумал, что старуха наверняка была когда-то молода и, может быть, даже нравилась кому-то. Однако сейчас не время было размышлять об этом, тем более что баронессы Амалии Корф не было видно.

Тут он завидел за спиной старухи даму в вуалетке с мушками, которая как раз готовилась спуститься на низкий перрон. Дама определенно была блондинкой - он видел завитки светлых волос, выглядывавшие из-под шляпки, - но было не похоже, что ей больше 30 лет. На всякий случай Петр Петрович приблизился, но тут из-за его спины выскочил высокий военный и галантно подал даме руку,

помогая спуститься. Незнакомка поблагодарила его улыбкой и трепетом длинных ресниц.

- Merci, monsieur[8 - Спасибо, сударь (франц.)].

Военный учтиво поклонился, и, когда он повернулся, Петр Петрович признал его. Это был Милорад Войкевич, адъютант короля Стефана, и чутье подсказало Оленину, что адъютант никак не мог по случайному совпадению оказаться на этом перроне одновременно с ним, да еще подавать руку незнакомой даме.

Поспешно приблизившись, Петр Петрович чуть резче, чем ему хотелось бы, спросил:

- Баронесса Корф?

Незнакомка подняла вуалетку, и на Оленина поглядели загадочные карие глаза, в которых трепетали золотистые искорки.

- Именно так, сударь. А вы - Петр Петрович Оленин?

Чувствуя неловкость, он поклонился. Амалия перевела взгляд на статного черноволосого Войкевича, и Оленин понял: она тоже догадалась, что полковник прибыл сюда не просто так и руку подал ей не из обычной вежливости, а с некой задней мыслью.

- Петр Петрович, - на довольно чистом русском сказал Войкевич, - как вы вовремя! Надеюсь, вы представите меня вашей знакомой? - И он устремил на Амалию пылающие то ли притворным, то ли настоящим восхищением черные глаза.

Оленин понял, что его переиграли, и напустил на себя небрежный вид, словно все происходящее было в порядке вещей.

- Амалия Константиновна, это полковник Войкевич, адъютант его величества... Баронесса Амалия Корф.

– Счастлив познакомиться с вами, сударыня, – сказал полковник, кланяясь. И, хотя Амалия была в перчатках, взял ее руку и поцеловал чуть выше запястья[9 - Руку в перчатке (не бальной) согласно тогдашнему этикету целовать было не принято.]

– Какое совпадение, что вы оказались здесь, – продолжал Оленин. Происходящее невольно начало его забавлять.

– О, – не моргнув глазом отозвался Войкевич, – я просто встречал старого товарища. Он должен был приехать с этим поездом, но я что-то его не вижу.

Он стоял, высокий, очень худой, с тонкой талией и выбритым до синевы лицом, и победно улыбался краями губ, наслаждаясь каждым нюансом этой маленькой сценки. Бритье в армии ввел в моду Стефан, который никогда не мог похвастаться густой растительностью на лице и чисто брился в то время, когда еще при жизни отца состоял в полку. Черные глубоко посаженные глаза и черные волосы делали Войкевича похожим на турка, но кожа у него была светлая, почти не загоревшая на солнце. Его нельзя было назвать красавцем, но таково свойство военной формы, что она любого мужчину делает более видным, чем он есть на самом деле. Разговаривая с Олениным, полковник нет-нет да поглядывал на Амалию, которая, судя по всему, его очень занимала. «Интересно, что он знает о ее миссии?» – с беспокойством подумал Петр Петрович. Но, поглядев в лицо Войкевичу, понял, что тому уже все известно и он нарочно явился к поезду, чтобы встретить незваную гостью и доложить королю, что за особа эта Амалия Корф, которую к нему подсылают русские.

– Петр Петрович, – уронила Амалия, – мне нужен носильщик.

Она до сих пор не сказала адъютанту ничего, кроме слов благодарности на французском, и вообще никак не подала вида, что придает его присутствию хоть какое-то значение, и мысленно наблюдательный Петр Петрович отметил это. Однако Войкевич, казалось, этого не замечал.

– Позвольте я отнесу ваши вещи, государыня, – предложил он.

Амалию, должно быть, позабавило, что он спутал слово «сударыня» со словом «государыня», потому что она улыбнулась.

– Если вам так угодно, полковник...

– Уверен, Милораду не впервой это делать, – добродушно вставил Петр Петрович.

Войкевич быстро обернулся, его глаза угрожающе вспыхнули. Ни для кого при дворе не было секретом, что отец адъютанта был простым слугой, а дед – вообще пастухом. Нет сомнений, что Милорада ждала та же участь, однако отец Стефана, считавший, что у детей свои права, сквозь пальцы смотрел на то, как его сын с увлечением играет с сыном обычного слуги. Когда Стефан начал заниматься с учителями, выяснилось, что он слишком ленив. Чтобы его подстегнуть, Владислав велел учить вместе с ним и Милорада, тайком пообещав последнему награду за каждую хорошую оценку. Поначалу мальчику приходилось нелегко – он не знал даже грамоты, не то что начатков латыни, – но врожденное упорство, а может быть, и обещания Владислава сделали свое дело. Вскоре он уверенно склонял слово *rosa* [10 - Роза (лат.)], а через несколько лет уже прочитал Цезаря в оригинале и далеко обошел товарища своих детских игр по математике. У него был пытливый, любознательный ум, он много читал и хватался за любую книгу, которую мог достать. Мать Стефана, поначалу невзлюбившая сына лакея, вскоре признала, что он достоин большего, чем быть простым слугой, и, когда умерли его родители, взяла его в свою семью. Он был закадычным другом Стефана и сохранил свое положение даже тогда, когда тот из дальнего родственника опального монарха внезапно превратился в наследника престола Иллирийского королевства. Оба, и Стефан, и Милорад, по настоянию Владислава отправились служить в гвардии, а вскоре король присвоил Войкевичу чин капитана. По восшествии на престол Стефан произвел его в полковники и дал ему звание личного адъютанта. Такая благосклонность к сыну слуги шокировала местных аристократов, но после того, как адъютант на дуэли убил двоих молодых людей, которые посмели его задеть, все сочли за благо прикусить языки. Оскорблять этого человека было крайне опасно, однако Оленин, обладавший дипломатической неприкосновенностью, спокойно встретил взгляд разъяренного иллирийца. Войкевич был опасен, но коварный Петр Петрович вовсе не собирался отказывать себе в удовольствии лишней раз вывести ненавистного выскочку из себя. Полковника он терпеть не мог за то, что тот, хоть и участвовал во всех дворцовых интригах, никогда не делал ничего, что могло бы принести пользу России, а такой человек для резидента мог быть только врагом.

– Я думаю, нам все же лучше взять носильщика, – прозвенел спокойный голос Амалии.

Полковник пересилил себя и, обернувшись к ней, улыбнулся. По правде говоря, больше всего в это мгновение ему хотелось свернуть флегматичному коротенькому Петру Петровичу шею.

– Как вам угодно, государыня.

– У нас говорят сударыня, – не удержавшись, поправила его Амалия.

– О, это совсем не то! – засмеялся полковник. Но глаза его все еще горели гневом, который очень не понравился Амалии. Оглянувшись на цветущие вишни, она сказала первое, что пришло в голову:

– Вы не принесете мне ветку, полковник?

Войкевич тотчас же отправился выполнять поручение, а Оленин подозвал носильщика и велел ему перенести вещи дамы в экипаж.

– Петр Петрович, – шепнула ему Амалия, – что на вас нашло? Не надо злить этого человека, ни к чему.

– Если вы так считаете... – начал Оленин с некоторой досадой.

– Считайте, что это приказ, – оборвала она его. Петр Петрович хотел обратить все в шутку, но по виду Амалии понял, что она говорит совершенно серьезно, и насупился. Похоже, приезжая дама принимает свою миссию близко к сердцу, раз позволяет себе такой командный тон.

Вернулся Войкевич, неся с собой ветку так густо усаженную белыми раскрытыми цветами, что не видно было коры.

– Вы очень любезны, полковник, – сказала Амалия и, сняв перчатку, протянула ему руку. Однако Милорад, похоже, был не слишком силен в этикете, потому что на сей раз он руку просто пожал, после чего откланялся и, метнув на резидента испепеляющий взгляд, удалился.

– Иллирийские манеры, – проворчал Петр Петрович, от которого не укрылся промах Войкевича.

– Полно вам, господин Оленин, – отозвалась Амалия. – Давайте лучше сядем в экипаж и поговорим. Надеюсь, вы уже подыскали мне хорошее жилье?

Глава 4

Два совещания

Милорад Войкевич стремительно взлетел по лестнице, швырнул фуражку дворцовому лакею и без стука вошел в кабинет, где стояла светлая мебель изящных форм, и шкафы, набитые книгами.

Секретарь короля Тодор, изогнувшийся в почтительной позе возле стола, за которым сидел его величество, даже не удивился появлению адъютанта, который столь невежливым образом ворвался в монаршие апартаменты. Сам же Стефан, завидев полковника, просиял и быстрее, чем обычно, подмахнул последние бумаги.

– Можешь идти, – сказал король секретарю. Тот забрал бумаги, низко поклонился, пятясь, отступил к дверям и скрылся из виду.

– Ну что? – с нетерпением спросил Стефан. – Садись.

Полковник хмуро поглядел на него и, вместо того чтобы подчиниться, сделал круг по комнате, подойдя к окну.

– Честное слово, я когда-нибудь его повешу, – пожаловался он.

– Кого, Тодора? – удивился Стефан. Развалившись в кресле, он достал сигару и с наслаждением провел ею перед лицом, чтобы в полной мере ощутить запах дорогого табака. – Он же твой кузен, сколько я помню, и ты сам его мне присоветовал. Что он такого натворил?

Между королем и его адъютантом с детства установились самые доверительные отношения, и Стефан не считал нужным менять их ни тогда, когда сделался наследником престола, ни тогда, когда стал королем. Наедине с ним Милорад имел право говорить обо всем, о чем заблагорассудится, и не утруждать себя излишними церемониями. На людях, конечно, полковник вел себя гораздо сдержаннее, однако всем было отлично известно, что даже исповедник короля знает о нем меньше, чем приятель детства. Жена Стефана, надменная плоскогрудая немецкая принцесса, превыше всего на свете ставившая этикет, множество раз пыталась внушить своему супругу, что он должен вести себя с адъютантом поосторожнее, но король только посмеивался. Вообще, требовать чего-то от этого добродушного блеклого блондина именно смысл только в одном случае – если вы хотели, чтобы он поступил с точностью до наоборот.

– Я говорю не о Тодоре, – проворчал полковник, плюхнувшись на диван и вытянув свои длинные ноги. – Я об Оленине.

Король, который как раз в это мгновение раскуривал сигару, удивленно вскинул брови.

– Чем же он тебе не угодил? Пишет свои донесения – ну и пусть пишет.

– Он слишком полагается на свою неприкосновенность, – сквозь зубы ответил полковник. – И мне надоело, что он позволяет себе... – он дернул щекой и не закончил фразу.

Стефан только пожал плечами. Он отлично знал Оленина, и в глубине души его немного забавляло, как тот пытается обходиться с самолюбивым адъютантом.

– Полно тебе, Милорад... Выслать его из страны – так русские пришлют другого, и еще неизвестно, будет ли нам от этого лучше. Пока Оленин ничем себя не скомпрометировал, пусть остается. – Он подался вперед. – Ну что? Ты ее видел?

– Баронессу Корф? Видел.

– Рассказывай! – потребовал король. – Как она?

Милорад поглядел на него и улыбнулся.

– Я видел ее на перроне всего пару минут. О чем тут рассказывать?

От обиды король едва не выронил сигару и покраснел.

– Хорошенькое дело! Милорад, это никуда не годится! Должен же я знать, в конце концов, кого ко мне подсылают, чтобы отнять Дубровник. Насколько она опасна?

– Настолько, насколько может быть опасна любая красивая женщина, – беспечно ответил полковник.

– Так она красавица? – с удовлетворением заключил Стефан. – Тем лучше, хотя бы не потрачу время зря.

– Хорошо, что Лотта вас не слышит, – поддразнил его полковник.

– О да, Лотта и Шарлотта, – усмехнулся король. Шарлоттой звали его жену, которую он никогда не любил и с которой жил только по необходимости. – Ты мне так и не сказал: она брюнетка, блондинка?

– Блондинка, и у нее прехорошенькие ручки. И запястья тонкие-тонкие... Королевские запястья, словом.

– Дьявол! – простонал Стефан. – Ну почему я не мог сегодня отправиться на вокзал встречать... кузена Михаила, к примеру? Я теперь не усну, думая об этой баронессе. Где мне ее увидеть?

Войкевич нахмурился.

– Это плохая мысль, ваше величество, – промолвил он после паузы.

Если адъютант говорил «ваше величество», когда они беседовали наедине, Стефан понимал, что речь идет о вещах, важных для него как короля, и обыкновенно он прислушивался к словам Милорада.

– Ты прав, ни к чему мне искать с ней встречи, – усмехнулся монарх, разглядывая сизые клубы дыма, уплывающие к потолку. – Все равно она сама должна будет явиться ко мне, и тогда я решу, что мне делать.

– С Дубровником? – быстро спросил полковник.

– Нет-нет, с Дубровником все давно уже решено. Она ничего от меня не добьется.

– А я думаю, – медленно проговорил Милорад, – что она попытается.

И двое мужчин со значением посмотрели друг на друга.

– Хорошо, тогда я не буду ей мешать, – довольно-таки двусмысленно отозвался Стефан.

Адъютант не мог сдержать улыбки.

– Завтра ваш кузен принц Михаил устраивает бал. Думаю, она явится туда вместе с Лениным, и вы сможете рассмотреть ее... во всех подробностях.

– Да, подробности мне не помешают, – рассмеялся король и только тут спохватился, что он курит, а его товарищ нет. – Сигару? Бери, если хочешь.

– Я лучше папиросу.

– Пф! Папиросы – это... это... – Он сделал своей маленькой белой ручкой неопределенный жест, показывая, что папиросы по сравнению с благоуханными сигарами – ничто. – А впрочем, кури что хочешь, – добродушно заключил он.

Полковник достал папиросы, с наслаждением затянулся и откинулся на спинку дивана.

– Кстати, вы знаете, что говорят о лейтенанте Бекмане и фрейлине ее величества? – спросил он.

– А что говорят? – загорелся монарх. Едва ли не больше всего на свете он обожал сплетни, а его адъютант всегда был отлично осведомлен о том, что творилось при дворе.

Пока в королевском кабинете обсуждалось поведение фрейлины, которая, не обладая ни красотой, ни богатством, ухитрилась-таки скомпрометировать лейтенанта, да так, что ему, похоже, теперь придется на ней жениться, в гостиной российского резидента шла совершенно иная беседа.

– Я подумал, что вам не стоит жить в гостинице, – сказал Петр Петрович, – и поэтому снял для вас апартаменты недалеко от посольства. Прислуга будет наша, посольская, так что ни о чем не беспокойтесь.

Амалия, стоя у окна, рассеянно смотрела на два флага, развевающиеся над соседней площадью. На одном красовался устрашающего вида зеленый дракон, взгромоздившийся на башню, – это был флаг города Любляны. На другом был изображен золотой коронованный лев на синем фоне, он являлся государственным флагом Иллирии.

– А посольство далеко от королевского дворца? – спросила Амалия, оборачиваясь к Ленину.

– Не очень. Мы сейчас в Старом городе, – объяснил резидент, – а дворец стоит на холме, который возвышается над Любляной.

– А собор, мимо которого мы проезжали...

– Кафедральный собор Святого Николая. Строили итальянцы в барочном стиле.

– Должна признаться, мне больше нравится готика, – заметила Амалия. Петр Петрович покосился на нее с любопытством: с его точки зрения, такая дама скорее должна была любить какое-нибудь легкомысленное рококо, чем стихийный, трагический готический стиль.

– В городе есть готическая часовня, но она относится к королевской резиденции. Впрочем, если вы захотите там побывать, думаю, это можно будет устроить. – Петр Петрович улыбнулся. – Все местные достопримечательности легко можно

обойти за один день. Несколько церквей, но ни одной первоклассной, ратуша, фонтан Трех рек, дворец князя Михаила, наследника престола... Вообще, в Любляне дворцов хватает, хотя, с моей точки зрения, большинство из них всего лишь большие особняки. – Говоря, Петр Петрович достал из кармана ключ, отомкнул верхний ящик стола и вытащил из него большой конверт, украшенный печатью со львом. – Завтра мы с вами приглашены к наследнику на званый вечер. Король также будет, – добавил он.

– А мадемуазель Рейнлейн?

– Разумеется.

Амалия отошла от окна и опустилась в кресло, к великой досаде оленинского кота, который облюбовал это место. Васька только что проскользнул в дверь, сделал круг по комнате, чисто по-кошачьи делая вид, что совершенно не замечает гостью, после чего бесцеремонно взобрался к ней на колени. По правде говоря, кот был не прочь выпустить коготки – так, слегка, чтобы показать, кто в доме хозяин, – но, поглядев в золотистые глаза Амалии, почему-то отказался от этого намерения и сделал вид, что дремлет.

– У нас есть что-нибудь на эту особу? – спросила баронесса Корф, хмурясь.

Петр Петрович вздохнул и развел руками.

– Кроме сведений о ее прошлых любовниках, ничего. Но король не тот человек, который станет обращать внимание на чье-то прошлое.

– Понятно, – уронила Амалия. – Петр Петрович, только откровенно. Вы считаете, у меня есть шансы добиться того, что нам нужно?

Петр Петрович задумчиво поглядел на баронессу и хотел было завести речь, полную обиняков и тонких намеков, куда рассчитывал подпустить также пару шуток и, пожалуй, шпильку в адрес российского правительства. Но тут он, как и его кот, увидел выражение глаз Амалии и понял, что нет смысла ходить вокруг да около.

– Боюсь, Амалия Константиновна, что нет.

– Противостоящие нам силы настолько непреодолимы? – спросила Амалия, глядя кота.

– Это Балканы, Амалия Константиновна, – улыбнулся резидент. – Вы ведь раньше работали в Западной Европе, не так ли? Ну так на Балканах вам придется забыть все, что вы знаете. И дело даже не в том, что этот регион – настоящая пороховая бочка. Здесь все крайне... э... запутано. С виду в Иллирии, конечно, Европа, монархия, связанная со многими царствующими домами, парламент и сенат. Казалось бы, живи, царствуй и радуйся. На самом деле страну населяет нищий и, как следствие, озлобленный народ, от которого можно ждать чего угодно. Отсталость, опять же – во многих районах докторов до сих пор считают кем-то вроде приспешников сатаны и предпочитают обходиться услугами знахарей, из-за чего, само собой, мрут как мухи. В столице и на побережье дело обстоит чуть получше, но уверяю вас, мне известны аристократы весьма высокого рода, которые искренне верят, что мыться вредно. При этом все как один хором утверждают, что они европейцы, сторонники цивилизации и вообще без них не обходился ни один чих мировой истории. К тому же они всерьез полагают себя интеллектуальной нацией, и попробуйте только сказать им, что вы считаете Бреговича – которого, кстати сказать, они и не читают – посредственным поэтом. О, в этом случае вы на всю жизнь сделаетесь их врагом! А еще, – будничным тоном продолжал Петр Петрович, – в стране нет единства. Колоссальная внутренняя разобщенность, каждая деревня непременно терпеть не может соседнюю. То же самое и между людьми, и я вам скажу, что нет ничего легче, чем кого-то с кем-то тут поссорить. Прибавьте к этому вечную славянскую привычку путать государственные деньги со своими. Неудивительно, что до сих пор здесь так мало железных дорог, а обычные не ремонтируются годами.

– Совсем как в России, – заметила Амалия, внимательно слушавшая своего собеседника.

– Не буду с вами спорить, – улыбнулся Петр Петрович. – Теперь посмотрим, Амалия Константиновна, что у нас получается. Вы приехали сюда, чтобы заключить договор по поводу Дубровника. На что или на кого мы можем рассчитывать, чтобы добиться своего? Есть генерал Иванович, который несколько лет служил в России, женат на русской и готов защищать наши интересы. – Петр Петрович поморщился. – В Петербурге генерала считают нашим другом, а лично я полагаю, что лучше бы он был нашим врагом. Нет ничего хуже, чем вот такие прямолинейные военные, везде привыкшие идти напролом. Вокруг Иванoviча группируются люди, которые идут за ним либо из

симпатии, либо потому, что мы щедро платим за оказанные услуги. – Резидент не мог удержаться от вздоха, вспомнив, сколько денег ему в свое время пришлось уплатить всем этим «друзьям». – Однако среди них нет ни одного министра, ни одного сколько-нибудь важного сановника. Стало быть, при обсуждении вопроса о Дубровнике только Иванович будет за нас, а все остальные – против. Остальные – это сенатор Верчелли, старый брюзга, затем наследник престола Михаил, который держит сторону немцев, и вся австрийская клика вместе с резидентом Кислингом, которая группируется вокруг генерала Ракитича. Ни для кого не секрет, что они – обыкновенные предатели, которые желают только одного, чтобы Иллирия стала полностью зависимой от Австро-Венгрии, а еще лучше, чтобы вообще потеряла независимость и вошла в состав империи. Не забудьте также республиканцев, которые группируются вокруг депутата Старевича – эти вообще нас терпеть не могут и, едва услышав о Дубровнике, поднимут крик, что страну оккупируют. Ну и, наконец, Лотта Рейнлейн. Мне доподлинно известно, что ей шлют деньги из Вены, и пока она оказывает влияние на короля, нечего и думать о том, чтобы подписать соглашение по поводу Дубровника. Скорее уж там будут стоять австрийские корабли, и если этого до сих пор не произошло, то только потому, что король Стефан все-таки не безумец и отлично понимает последствия такого шага.

Амалия задумалась.

– Хотите совет? – спросил Петр Петрович, пристально наблюдавший за ней.

– Разумеется.

– Как человек, который уже десять лет находится в Любляне, скажу вам откровенно: нет никакой надежды перетянуть всех этих людей на свою сторону или хотя бы нейтрализовать их. А поддержка генерала Ивановича такова, что лучше бы ее не было. На вашем месте, Амалия Константиновна, я бы постарался добиться нейтралитета Дубровника и остальных иллирийских портов. Чтобы там не было ни нашей, ни австрийской военно-морской базы, ни итальянской, о которой мечтает граф Верчелли.

Амалия улыбнулась.

– Скажите, Петр Петрович... А о чем мечтает полковник Войкевич?

По правде говоря, Оленин ждал этого вопроса и оттого кивнул с удовлетворением.

– Войкевич – сын лакея, о чем нередко склонен забывать. С самого детства он неотлучно находится при короле, и тот доверяет ему как никому другому. Конечно, его поддержка была бы весьма ценной для нас, но... – Резидент раздраженно повел плечами. – Я не вижу никакого способа добиться этого. Влиять через женщину на него бесполезно – хоть он и готов влюбиться в первую встречную, но с удивительной ловкостью отделяет любовь от серьезных дел. Деньги он берет со всех, с кого только можно, но у него скверная манера никогда не делать того, что обещал, или делать минимум. Кроме того, он не слишком умен и сам признается, что его ничего не интересует, кроме того, чтобы на нем мундир хорошо сидел.

– Чью сторону он держит? – спросила Амалия.

Оленин улыбнулся.

– Как ни странно, он держит сторону короля. Конечно, полковника обхаживали и австрийцы, и итальянцы, и даже представители сербского короля, которых здесь не слишком жалуют. Но этот тип скользкий, как угорь. Он всем улыбается, со всеми сердечен и со всех, как я уже говорил, берет мзду. Ходят слухи, что он даже делится с королем взятками, которые получает со всех сторон, за что король смотрит сквозь пальцы на то, что предпринимает Войкевич. Недавно, к примеру, полковник сумел протолкнуть проект новой железной дороги, которую будут строить англичане, и благодаря этому купил себе целый дворец. А ведь наши предлагали построить железную дорогу гораздо дешевле...

Амалия вздохнула и машинально погладила кота. Тот, казалось, спал, но приоткрыл глаза и поудобнее свернулся на коленях у молодой женщины.

– Словом, все против нас, – задумчиво проговорила Амалия. – Что ж, трудности на то и существуют, чтобы их преодолевать.

С точки зрения Петра Петровича, эта фраза в данных обстоятельствах не имела ровным счетом никакого смысла, но он умел быть снисходительным к дамам и потому счел за благо оставить свое мнение при себе.

– А теперь, – сказала его собеседница, – расскажите мне все, что вам известно о Лотте Рейнлейн.

Глава 5

Бал во дворце наследника

– Значит, ее зовут Амалия Корф? – спросила балерина.

Генерал Ракитич утвердительно кивнул. Лотта откинулась на спинку кресла, задумчиво глядя в трехстворчатое зеркало над гримировальным столиком. В зеркале отражалась молодая, стройная темноволосая женщина с большими серыми глазами. Недруги Лотты Рейнлейн (а таких было более чем достаточно) обыкновенно говорили, что она не красавица, что у нее слишком тонкие губы и костлявые плечи (выпирающие кости в ту эпоху считались чем-то вроде смертного греха). На фотографиях Лотта и впрямь не впечатляла особой статью, но в жизни у нее была восхитительная осанка, лебединая шея и изящные руки, а выразительные глаза с длинными черными ресницами околдовывали и сбивали с толку. В прошлом году она приехала в Любляну на гастроли, танцевать в местном театре. На представлении ее увидел король Стефан и сразу же влюбился. Следствием его влюбленности стало, во-первых, то, что театр вскоре обновили и украсили впечатляющим количеством позолоты, а во-вторых, то, что Лотта Рейнлейн стала почти официальной фавориткой царствующего монарха. Поначалу придворные считали, что увлечения Стефана хватит, как это уже не раз случалось раньше, всего на пару месяцев, но время шло, а Лотта только все глубже вонзала свои коготки в королевское сердце. Она была пикантная, в меру остроумная, незлобивая и обожала то, что любят женщины и дети – игрушки и все блестящее. Речь ее напоминала щебет маленькой птички, и в жизни она предпочитала окружать себя птицами в клетках, цветами, бриллиантами, духами и крошечными собачками. При этом те, кто хорошо знал ее по сцене, утверждали, что она, несмотря на всю избалованность, редкая труженица.

– Баронесса! – протянула Лотта и задумалась, облокотившись на красивую белую руку.

Смуглый, тощий, носатый Ракитич, в пику королевской моде носивший громадные усы, кашлянул.

– Милорад сказал, что она очень, очень хороша собой, – заметил генерал. – Так что... берегитесь, мадемуазель!

– Ей уже 36 лет, – отмахнулась Лотта с той беспечностью, с какой можно рассуждать, только если тебе еще нет 25. – Чего мне бояться?

– Она интриганка, – шепнул Ракитич, зловеще шевельнув усами. – И авантюристка. Кислинг говорит, она проворачивала такие дела, которые ему даже и не снились. Думаю, нам стоит ее опасаться.

– Это мы еще посмотрим! – объявила Лотта и легким, типично балетным движением поднялась с места.

Сегодня у нее была только одна небольшая репетиция, на которой настояла она сама. А вечером...

Вечером, разумеется, она даст бой этой неведомой баронессе Корф, которая попытается – Лотта была совершенно в этом уверена – увести у нее ненаглядного короля.

– Смотрите, мадемуазель, я вас предупредил! – крикнул Ракитич ей вслед.

Можно быть уверенным, что ни одна женщина не выбирала в тот день бальное платье придиричвее, чем Лотта Рейнлейн, которой предстояло встретиться лицом к лицу со своей соперницей. Наряд кремового цвета, украшенный оборками и богатой вышивкой, был восхитителен. Шелковые воланы, где надо, прикрывали выпирающие ключицы, однако выгодно обрисовывали красивые руки, украшенные тяжелыми сверкающими браслетами. С собой на бал Лотта захватила любимую собачку по кличке Талисман – она верила, что этот зверек и впрямь приносит ей удачу.

Так как согласно этикету балерина не могла приезжать в сопровождении короля, она, как обычно, явилась в обществе Ракитича, которого язвительный Верчелли за глаза прозвал «собачьим генералом». Именно Ракитичу обычно

приходилось носить на руках любимую собачку королевской фаворитки.

Вечер начался в восемь, балерина приехала на час позже, однако ее сразу же ждало разочарование. Верзила Кислинг, уныло потягивавший в углу шампанское, сразу же сообщил ей, что баронесса Корф пока не показывалась.

– А его величество? – спросила балерина, отчего-то забеспокоившись.

Резидент ответил ей, что король Стефан уже приехал и что непредсказуемый Войкевич успел учинить скандал, о котором завтра наверняка будет судачить вся Любляна.

Дело в том, что на вечер к князю Михаилу была приглашена делегация из Германии, сопровождать которую должны были люди Войкевича. Если Стефан был согласен терпеть своего двоюродного брата, то вечные восхваления немцев уже действовали королю на нервы. Кроме того, хоть делегация и была негосударственной, немцы сначала нанесли визит наследнику и только потом – королю, что Стефан счел нешуточным для себя оскорблением.

– Неужели Милорад вызвал их на дуэль? – рассеянно спросила Лотта.

Оказалось, что полковник организовал месть гораздо тоньше. Итак, в начале вечера заиграла торжественная музыка, и в зал вошли немцы. Все высокие, плечистые, крепкие как на подбор. Но коварный Войкевич распорядился отобрать из своего полка самых рослых солдат. И, когда приглашенные вошли в зал, все увидели маленьких, хлипких немцев, над которыми возвышались здоровенные хорваты, словенцы и сербы, сопровождавшие делегацию.

– Лилипуты наносят визит, – сострил известный своим желчным характером граф Верчелли, и шутка мгновенно облетела зал. Князь Михаил был в ярости, но формально ему было не в чем обвинить строптивого полковника. Михаил просил почетное сопровождение для гостей, и Войкевич с согласия его величества такое сопровождение предоставил. Что тут особенного, в самом деле?

Сразу же развеселившись, балерина подошла к полковнику и протянула ему руку для поцелуя. По правде говоря, обычно она не слишком жаловала адъютанта – как и большинство женщин, которые подсознательно терпеть не могут друзей своих благоверных.

– Вы, оказывается, коварный человек, Милорад! – сказала она Войкевичу, смеясь и играя веером.

– Не понимаю, о чем вы, мадемуазель, – отвечал полковник, напустив на себя скромный вид. – Я просто исполняю свой долг!

Черноволосый, с ослепительной улыбкой, в белом парадном мундире с золотыми аксельбантами, он прямо-таки излучал обаяние, и Лотта на мгновение взглянула на него другими глазами.

Ах, если бы не король! Если бы не этот слюняй!

«Интересно, – подумала балерина, – Милорад действительно скоро женится на богатой или?..»

Но тут очень кстати подошел Стефан и, изо всех сил стараясь сохранять серьезность, поблагодарил адъютанта за то, что тот блестяще справился с его поручением и предоставил немцам такой внушительный эскорт.

– Для меня честь – служить вашему величеству, – объявил полковник, кланяясь, и тут земля ушла у Лотты из-под ног.

Причиной этого было вовсе не землетрясение, как могут подумать мои практичные читатели, а появление в зале нового лица. Лицо это было женского пола и невероятного очарования. Вокруг вновь прибывшей колыхалось облако шелка кораллового цвета, отделанное блестящими стразами, которые складывались в очертания бабочек и цветов орхидеи. Слева от незнакомки, приглядевшись, можно было заметить Петра Петровича Оленина, но я ручаюсь моей честью сочинителя, что ни один человек в зале в то мгновение не обратил на него внимания – слишком уж эффектна и ослепительна была его спутница.

Завидев вновь прибывшую, здоровенный генерал Иванович приосанился и расправил плечи еще шире, хоть это казалось делом почти невозможным. Австрийский резидент Кислинг побледнел, а князь Михаил, напротив, покраснел. Генерал Ракитич так тарасился на гостью, что чуть не уронил вверенную ему собачку. Нос королевы Шарлотты, которая стояла в углу, сделался еще длиннее, а платье стало выглядеть еще безвкуснее. Республиканский депутат Старевич

поперхнулся длинной речью о выгодах демократии, которой он пытался уморить графа Верчелли, и все мысли о свободе, равенстве и братстве благополучно вылетели у него из головы. Что же касается язвительного старого графа, то впервые за последние годы ему совершенно не хотелось шутить.

– Однако! – молвил Войкевич, пристально глядя на Амалию, и более не сказал ничего.

Король Стефан испытывал смешанные чувства. Политика приучила его к осторожности, и, едва прошел первый всплеск восторга, он сразу же вспомнил, кем Амалия является и для чего она прибыла сюда. А она, словно нарочно желая его подразнить, в сопровождении Оленина прежде всего подошла к хозяину дворца. Петр Петрович представил их друг другу и объявил, что Амалия всегда мечтала побывать в Любляне и рада, что ей представилась такая возможность.

– Я о-очень рад нашему знакомству, сударыня, – сказал по-французски князь Михаил, учтиво кланяясь, и Амалия отметила, что наследник престола немного заикается. Князь был высокий, но щедушный и весь какой-то хлипкий. Линия рта красивая, но немного безвольная, нос птичий, маленькая головка возвышается над узкими плечами. И глаза тоже маленькие. Часто мигая, они по-птичьи тревожно глядели на Амалию. Чтобы успокоить князя, она сказала несколько любезных слов и расспросила его об архитекторе дворца и о том, кто занимался росписью залов. Петр Петрович, стоявший возле Амалии, вел себя так, словно его тут вообще не было, но острым взором приметил небольшую группу женщин напротив, которые все как одна недружелюбно косились на его спутницу и, прикрываясь веерами, злословили вовсю. Также он не без удовольствия отметил растерянный вид Лотты Рейнлейн и то, как полинял, потускнел ее наряд, теперь казавшийся лишь скучной кремовой тряпкой. «Ай да баронесса... И как король на нее смотрит! Неужели она добьется того, что Дубровник будет наш?»

– Кузен, кузен, – шутливо сказал Стефан, подходя к ним, – это непростительно! Ты захватил самую лучшую гостью... а нам остается только смотреть и завидовать!

Михаил смешался еще сильнее и представил Амалии короля, из-за плеча которого выглядывал улыбающийся полковник. Стефан поцеловал ручку гостьи, после чего не сразу отпустил ее, и произнес витиеватый светский комплимент.

А Амалия, улыбаясь, слушала его и думала, до чего же ей скверно. В душе ее словно сидела маленькая черная кошечка и неумоимо скребла, скребла когтями. Все это было нелепо – и толпа приглашенных, которые силились выглядеть по-европейски, но только подчеркивали свою провинциальность, и несчастные глаза Лотты, которую она узнала по фотографии на открытке, и обилие позолоты в окружающей обстановке, при том что потолок вокруг люстры потемнел и пошел трещинами, а лакеи ходили в несвежих сорочках. Но хуже всего было платье – коралловая мечта от кудесника Жака Дусе, которое она заказала, намереваясь поехать этим летом куда-нибудь вместе со своим любовником, и которое теперь каждой складкой, при каждом движении напоминало о ее личной неудаче. И от этих потаенных мыслей глаза ее темнели, рука сжимала веер все сильнее, пока не произошла маленькая катастрофа – пластина переломилась, и веер упал на пол.

Амалия опомнилась и поглядела на веер так, словно видела его впервые в жизни. Король был немного раздосадован – он не ожидал от Амалии такой нарочитой, театральной выходки, к тому же в каких-то двух десятках шагов от них стояла его супруга. Выручил его, как всегда, Войкевич, который наклонился, подобрал веер и с улыбкой вернул его хозяйке. Она поблагодарила его кивком головы.

– Я надеюсь, вам понравится в Любляне и мы еще долго будем иметь удовольствие видеть вас, – сказал король Амалии.

– О, ваше величество может не сомневаться в этом! – последовал ответ.

Глава 6

Платье с бриллиантами

А вечер меж тем продолжался. Платье имело успех, и Амалия имела успех, она танцевала с Петром Петровичем, который начал находить свои обязанности чертовски приятными, а потом с хозяином дворца, с генералом Ивановичем, который двигался, как медведь, и едва не отдал ей ноги, и еще с одним генералом по фамилии Новакович, который наговорил ей столько пошлых комплиментов, что другой женщине хватило бы на целый месяц. От Новаковича

ее спас полковник Войкевич, с которым она танцевала целых три раза, а потом ее пригласил сам король Стефан. И его величество пожимал ей руку чертовски значительно, как отметили про себя разом помрачневшие Кислинг и Ракитич.

– В ней есть что-то павлинье, – сказала королева Шарлотта и неодобрительно поджала губы.

– Вы правы, ваше величество, – поддакнула ее невзрачная фрейлина, та самая, которая окрутила красавца-лейтенанта, – ворона в павлиньих перьях!

Но даже граф Верчелли не согласился с таким определением, заявив, что было бы воистину благословением небес, если бы все враги королевства походили на баронессу Корф. К нему подошел озабоченный депутат Старевич.

– Знаете, дорогой граф, – начал он по-итальянски, потому что славянские языки старый реакционер упорно не признавал, – я полагаю, что, несмотря на разницу в наших взглядах, у нас есть и точки соприкосновения. – Он покосился на короля, который был увлечен разговором с баронессой, и добавил: – Я имею в виду Дубровник.

– Вы имеете в виду, Рагузу? – прищурился Верчелли, который терпеть не мог новых названий бывших итальянских городов.

У Старевича так и вертелся на языке резкий ответ, но депутат сумел сдержаться.

– По моим сведениям, эта особа...

– По моим тоже, – ответил желчный граф, не любивший тратить лишних слов.

– А что, если она сумеет...

Старевич оглянулся на ослепительную Амалию и проглотил конец фразы.

– Не сумеет, – ответил Верчелли хладнокровно. – Ей неизвестен характер его величества. Как бы она ни одевалась – или раздевалась, – она ничего не добьется.

– Мне, однако, представляется, – несмело начал депутат, – что его величество весьма подвержен чуждым влияниям... особенно со стороны таких очаровательных особ, как эта.

– Гм! – сказал на это Верчелли. – Боюсь, сударь, у вас превратное понятие о характере его величества.

После чего он преспокойно повернулся к опостылевшему республиканцу спиной и заговорил с Кислингом о погоде.

Бедная маленькая балерина вся кипела от обиды. Но, по опыту зная, что битва за мужчину редко проигрывается в одно сражение, она решила запастись терпением, а для начала – быть со Стефаном в два раза более ласковой, чем прежде.

Весь вечер она искусно лавировала, чтобы не пересечься с соперницей, однако женщины все же столкнулись в дверях, покидая бал.

– Надо же, какое миленькое у вас платье, – не удержалась Лотта. Тон ее притворно кричал: миленькое-то миленькое, но не более того. – А эти блестящие бусинки...

Никто не знает, что именно нашло на Амалию в то мгновение, но она невозмутимо ответила:

– Это бриллианты, мадемуазель, – и тем самым сразила королевскую фаворитку наповал.

Ракитич помог балерине сесть в экипаж и забрался внутрь вместе с собачкой. Талисман блаженно спал. На балу ему удалось несколько раз лизнуть мороженого, и он чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

– Как вы думаете, – спросила Лотта внезапно, – это действительно бриллианты?

Ракитич растерялся.

– У баронессы на платье! – пояснила балерина, сердясь на то, что мужчины такие тугодумы.

– Откуда мне знать, мадемуазель? – пробормотал генерал. – Но у этих русских прорва денег, так что я бы не удивился.

Лотта, выслушав его, замкнулась в гордом молчании. Приехав домой, она долго ходила из угла в угол, а ночью не сомкнула глаз.

Что же до Амалии, то, как с ней обыкновенно случалось после больших балов, она сразу же заснула и пробудилась ближе к полудню, когда уже вовсю сияло солнце.

Она долго лежала в постели, перебирая воспоминания о вчерашнем вечере, и хмурилась. Наваждение не отступало, работа не приносила облегчения. Стоило ей подумать о своем любовнике и о том, что он, вполне возможно, счастлив с другой, и ее охватывало холодное бешенство. А еще это платье, которое она заказывала, чтобы понравиться ему...

«Да перестану ли я когда-нибудь каждое мгновение вспоминать о нем? – уже с досадой сказала она себе, отворачиваясь от солнечного света, бившего в окна. – Конечно, я никогда не верила в то, что время лечит – оно просто наносит новые раны, боль которых перекрывают старую. И вообще...»

Ее мысли прервал осторожный стук в дверь. Вошла Зина, миловидная веснушчатая девушка из посольства, которую Оленин определил баронессе в горничные.

– Слуга господина полковника Войкевича доставил, – объяснила Зина, протягивая на подносе какой-то узкий длинный сверток.

Обрадовавшись возможности отвлечься, Амалия взяла сверток и сняла бумагу. Внутри оказался футляр для веера, а в футляре – сам веер, восхитительная старинная работа с фигурной резьбой, перламутром, ручной росписью и позолотой. В прилагаемой записке полковник выражал надежду, что веер, некогда принадлежавший госпоже Помпадур, окажется достойной заменой своему раненому товарищу, который он поднял вчера на балу. Амалия улыбнулась.

«Господин полковник, до чего же вы проникательны... Госпожа Помпадур! Однако умеете вы делать намеки, милостивый государь...»

И, отпустив Зину, она задумалась, хочется ли ей действительно стать, пусть и на короткое время, королевской фавориткой или лучше попытаться добиться своего как-то иначе.

У Амалии было много увлечений, но до сих пор складывалось так, что она ни разу не шла наперекор своему сердцу. Бывало, она совершала ошибки, но она всегда влюблялась вполне искренне. В отличие от очень многих она никогда не жила с мужчиной ради денег или положения в обществе, и даже работа в особой службе не смогла заставить ее изменить своим убеждениям. Вот и сейчас она представила себе глуповатое добродушное лицо короля Стефана, его курносый нос, блеклые волосы – и состроила легкую гримасу разочарования.

Конечно, приятно, если у твоих ног оказывается монарх какого-никакого, но все же королевства. Но удовольствие это длится от силы минуту, а потом что?

К тому же у Амалии не было никаких оснований верить, что она добьется подписания соглашения о Дубровнике, если сумеет очаровать короля. Ведь Лотта Рейнлейн наверняка пыталась выхлопотать то же самое, но для австрийцев. Однако у нее до сих пор ничего не вышло.

Словом, все было туманно, и на мгновение Амалию охватил соблазн послушаться Петра Петровича, махнуть рукой на Дубровник и попытаться добиться лишь нейтралитета страны. Однако военный министр недвусмысленно дал ей понять, что на нейтралитет иллирийцев с таким колеблющимся монархом они положиться не могут. Значит, надо было каким-то образом добиться своего – и, хотя Амалия не привыкла отступать, она могла признаться самой себе, что пока не видит ни единого способа устроить в Дубровнике на законных основаниях российскую военно-морскую базу.

Вздыхая, Амалия встала с постели, привела себя в порядок и надела светлое домашнее платье, после чего велела подавать завтрак. Едва она села за стол, слуга доложил о приходе Петра Петровича.

– Очень хорошо, проси.

Оленин явился, галантно поклонился и взглядом скользнул по сосредоточенному профилю Амалии, по тонкой руке, которой она поправляла стоявшую в вазе на столе ветку вишни. Но тут баронесса повернула голову, увидела гостя и с улыбкой поднялась ему навстречу.

– Я завтракаю, надеюсь, вы не в претензии? Присаживайтесь, прошу вас...

Петр Петрович объявил, что завтрак – это святое, присел и стал рассказывать, что ему удалось узнать сегодня. Город судачит о вчерашней выходке Войкевича, натянувшего нос немцам, а еще говорят, что на балу у наследника была русская дама, которая произвела на его величество весьма сильное впечатление. Балерина Рейнлейн будто бы кусает от досады локти, рассчитала свою портниху и послала в Париж нарочного с мерками, требуя, чтобы ей как можно скорее изготовили платье, расшитое бриллиантами, да еще лучше, чем у баронессы Корф.

– Бриллиантами? – поразилась Амалия. – Но... Она что, приняла мои слова всерьез?

– Не знаю, что вы ей сказали, госпожа баронесса, – отвечал Оленин, – но Лотта – барышня очень самолюбивая, она не может допустить, чтобы кто-то был одет лучше, чем она.

– Ах вот как! – протянула Амалия.

И многоопытный Петр Петрович невольно насторожился. Интонацию своей собеседницы он не понимал, но было такое впечатление, что она узнала что-то очень важное для себя, а может быть, и для общего дела.

– Вот что, Петр Петрович, – сказала Амалия немного погодя. – Мне нужно точно знать, каково финансовое положение короля и сколько он тратит... ну, скажем так, на капризы своей фаворитки.

Оленин, несколько удивленный, обрисовал положение и сказал, что Стефан – человек щедрый и что для Лотты он не жалеет ничего.

– А налогов в этом году рассчитывают собрать больше или меньше? – спросила Амалия.

Резидент, про себя все более и более удивляясь обороту, который принимал разговор, объяснил, что налоги по сравнению с прошлым годом увеличили, но что денег почему-то стало меньше. Ну, тут и славянская манера путать государственные доходы со своими, вы же понимаете...

Амалия кивнула, словно сложившееся положение вполне ее устраивало, и задала следующий странный вопрос.

– Петр Петрович, как по-вашему, король не собирается в ближайшее время бросать Лотту Рейнлейн?

Тут Оленин заерзал на стуле и после небольшой паузы признался, что это вряд ли возможно, разве что Лотта каким-то образом свернет себе шею, танцуя фуэте, или произойдет еще что-нибудь столь же непредвиденное.

– Нет, меня как раз устраивает, что Лотта остается фавориткой короля Стефана, – отмахнулась Амалия. Оленин вытаращил глаза. – Все дело в том, что мне понадобится кое-что.

Она позвала горничную, велела ей принести чернильный прибор и на небольшом надушенном листке написала, что именно ей нужно.

Прочитав листок, Петр Петрович изменился в лице.

– Но это... – начал он.

– Мне было сказано: Дубровник – любой ценой, – сухо сказала Амалия, вновь принимаясь за завтрак. – Впрочем, вы всегда можете запросить у военного министра его мнение по этому поводу. Все дело в том, нужна нам база в здешних водах или нет.

Тут Оленин окончательно перестал понимать что бы то ни было.

– А дешевле не получится? – осторожно спросил он. – Неужели вы всерьез собираетесь... гм... предложить Лотте такие колоссальные деньги, чтобы она покинула короля?

– Нет, – хладнокровно ответила Амалия, – эти деньги я собираюсь истратить сама.

Петр Петрович издал какой-то неопределенный звук.

– Ради Дубровника, – уточнила Амалия.

– На подкуп наших врагов? – мрачно спросил Оленин. Он не был жадным, но тяжело переживал, когда деньги Российской империи уходили неизвестно кому. – Вы хотите, чтобы они надавили на короля и заставили его подписать соглашение? Тогда действительно малой суммой не обойтись. Взять хотя бы графа Верчелли, он настоящий миллионер, хоть и любит, как все итальянцы, жаловаться на бедность...

– Граф Верчелли не получит от меня ни гроша, – твердо отозвалась его собеседница.

– А генерал Ракитич? Просто так он своих друзей-австрийцев не продаст, учтите это!

Амалия поглядела на Оленина, подумала, что объяснять ему свой план слишком скучно, потому что такой основательный человек наверняка выдвинет тысячу доводов против. По правде говоря, Амалия была не вполне уверена, что ей удастся добиться своего, да и вся схема сложилась в ее голове лишь несколько минут назад, но попытаться осуществить план стоило – хотя бы потому, что никакого другого не было и не предвиделось.

В конце концов, пусть резидент думает что угодно, главное, чтобы он ей не мешал.

– Вам известно, что именно мне нужно. Отправляйте срочную депешу в Петербург, я жду их ответа. Без денег и без банкира, который будет в точности выполнять мои указания, я ничего не сумею добиться.

Стоило посылать из столицы хваленого особого агента, печально помыслил Петр Петрович, чтобы она занялась банальнейшим подкупом всех и вся. С такой задачей он и сам прекрасно мог бы справиться.

– Я надеюсь, госпожа баронесса, вы отдаете себе отчет в том, что делаете, – довольно сухо промолвил резидент, даже не пытаясь скрыть своего раздражения. – Потому что в случае провала мы потеряем и Дубровник, и деньги... причем деньги, прошу заметить, вовсе не маленькие.

– Умоляю вас, Петр Петрович, ведь еще ничего не произошло, – ответила Амалия, улыбаясь каким-то своим затаенным мыслям. – Кстати, подыщите мне хорошего повара. Тот, которого вы прислали, то недожаривает, то пережаривает... Я же не могу пригласить к себе князя Михаила, если у меня будет такой скверный стол!

– Князя Михаила? – поразился Оленин.

– Ну да. Я ведь побывала у него в гостях, и ничто не мешает ему нанести мне ответный визит. Конечно, не в эту тесную квартирку, – задумчиво добавила Амалия. Петр Петрович открыл было рот, чтобы напомнить, что в тесной квартирке было семь прекрасно обставленных комнат, но по виду своей собеседницы понял, что лучше с ней не спорить. – Мне нужно нечто совершенно другое. Вопрос только в том, что? – Она повела плечами и ослепительно улыбнулась опешившему резиденту. – Но вы не волнуйтесь, Петр Петрович. Сегодня же я начну искать для себя новый дом!

Глава 7

Аукцион

– Все-таки в этой баронессе что-то есть, – изрек король Стефан.

– Определенно, – подтвердил Войкевич.

– Хотя я удивляюсь – неужели они не могли послать сюда кого-нибудь помоложе. – Король поджал губы и стал похож на большого капризного

мальчика. – Да и карие глаза мне не слишком нравятся. У красивой женщины глаза должны быть светлые. – И он невольно покосился на фотокарточку Лотты, которая стояла у него на столе.

– Значит, вам будет легко ее отбрить, – объявил полковник, улыбаясь.

– К чему торопиться? – безмятежно возразил Стефан. – Конечно, меня будут долго осаждать, но последнее слово все равно останется за мной. Хотя удивительно, что русские, вроде бы такие умные люди и не смогли придумать ничего нового. Действовать через женщину! – Он королевски вздернул плечи. – Это же старо как мир! Неужели они всерьез полагают, что я попадусь на эту удочку?

– Очевидно, они исчерпали все доводы, – предположил Войкевич, и тут послышался робкий стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Стефан.

На пороге возник Тодор и, часто-часто мигая, доложил, что ее величество просила передать его величеству письмо. Король нахмурился.

– Что там еще? – проворчал он, разрывая конверт.

Прочитав, он нахмурился еще больше.

– Она просит у меня деньги на организацию благотворительного вечера, – пояснил Стефан безмолвствовавшему адъютанту. – Можешь идти, Тодор.

– Ее величество просила подождать ответа, – еле слышно пробормотал секретарь, косясь на кузена. Тодор приступил к своим обязанностям сравнительно недавно и до сих пор нервничал всякий раз, когда ему приходилось говорить с королем.

Стефан вздохнул.

– Десяти золотых хватит? Милорад! Напиши записку в казначейство, я подпишу.

Войкевич подошел к столу, своим быстрым, решительным почерком написал требуемое и подал Стефану на подпись. Тот криво расписался и махнул рукой, отсылая секретаря.

– Вздор вся эта благотворительность, – сказал король адъютанту, как только дверь за Тодором закрылась. – Мои жена и матушка всерьез полагают, что если они будут творить добрые дела, то нас не выгонят, как некогда дядю Христиана. А по-моему, это напрасная трата времени и денег. Царь Николай правил жестко, никому не давал воли и умер в своей постели, а его сын освободил крестьян и провел реформы, после чего его убили террористы. Никогда не знаешь, чего надо этим славянам. Если хочешь знать, я всегда мечтал стать французским императором. – Он блаженно зажмурился. – С французами можно сотворить великие дела, а что можно сделать с нашими недотепами?

– Франция теперь уже не та, – рассудительно заметил Милорад.

– Конечно, республика ее погубит, – тотчас же согласился Стефан. – Все говорят: демократия, у народа больше власти, а на деле выходит, что власть все равно у кого угодно, только не у народа. Потому что народ никогда не правит – правят отдельные личности, вопрос только в том, какими путями они приходят к власти. Да что я тебе говорю – ты же сам недавно доказывал мне, что демократия потерпела крах уже в Древней Греции...

Он вздохнул, утомленный тем, что на протяжении двух минут ему пришлось рассуждать на серьезные темы, пусть и словами своего адъютанта. В дверь снова постучали. На сей раз это оказался старый слуга, который носил к королю послания от Лотты. Прочитав записку, король позеленел.

– Мы будем иметь удовольствие видеть мадемуазель Рейнлейн сегодня на сцене? – спросил полковник.

– Черта с два, – тоскливо ответил король. – Она, видите ли, заболела и плохо себя чувствует. – Он сложил записку и покачал головой. – Ах, баронесса, баронесса! Можешь идти, Милан.

Слуга скрылся за дверью.

– Уверен, ваше присутствие сумеет ее вылечить, – сказал Милорад.

– Я собирался сегодня ехать в театр, – с металлом в голосе ответил Стефан. – Иначе мне придется умирать со скуки на вечере, который устраивает ее величество. О, как все это некстати!

Он поднялся с места. Встал и полковник.

– Если вы собираетесь выехать из дворца, – начал Войкевич, – я должен предупредить охрану.

– С чего ты взял? – с неудовольствием отозвался король. – Не могу же я ехать к ней всякий раз, когда она вообразит, что я ее больше не люблю. И потом, если она больна, то я же не врач!

Он отвернулся и в раздражении заходил по кабинету.

– И ее дружба с этим Ракитичем мне не нравится, – продолжал его величество, распаяясь все сильнее и сильнее. – Черт побери, отец завещал мне страну не для того, чтобы я продал ее этим паршивым австрийцам!

Войкевич, которому от Ракитича и Кислинга регулярно перепали большие суммы, не стал развивать эту тему, а только сказал:

– Ваше величество, я распорядился увеличить вашу охрану. Надеюсь, вы не будете на меня за это в обиде.

– Нет, что ты, – сказал Стефан. Этот добродушный человек остывал так же быстро, как начинал сердиться. – Почему именно сейчас?

– На всякий случай, – уклончиво ответил полковник. – Не доверяю я этим республиканцам.

– Старевич? – болезненно поморщился король. – Как ты думаешь, возможно ли лишить его депутатской неприкосновенности? Я бы с удовольствием посадил его в каземат, чтобы он прекратил мутить народ.

Однако адъютант успокоил короля, объяснив, что Старевич человек вполне разумный, именно такие нужны в парламенте, чтобы управлять республиканской сворой. Другое дело – неконтролируемая молодежь, начитавшаяся умных книжек и подпитываемая недовольной интеллигенцией.

– У тебя есть какие-то определенные сведения? – забеспокоился король.

– Нет, – сказал Войкевич, – но он привык обо всем думать заранее. И потом, сейчас весна, в Любляну в это время прибывает больше народу, чем обычно, и он решил на всякий случай подстраховаться.

– Так что ваше величество может без помех ехать куда заблагорассудится, – добавил полковник.

Стефан улыбнулся и сказал, что Лотта живет неподалеку, и, пожалуй, он может как бы невзначай заглянуть к ней в гости и узнать, что же такое творится с бедняжкой.

Доподлинно известно, что визит к балерине состоялся в тот же день, и для человека заболевшего мадемуазель Рейнлейн приняла гостя слишком горячо. В порыве страсти любовники сломали кровать, расколотили несколько ваз и опомнились только ближе к вечеру.

Поглядев на часы, Стефан понял, что ему пора идти.

– Куда же ты? – промурлыкала Лотта, водя пальчиком по простыне.

Король объяснил, что, поскольку театр сегодня отменяется, ему придется скучать на благотворительном вечере, который устраивают его жена и мать.

– Я поеду с тобой, – объявила балерина.

– И речи об этом быть не может!

– В сопровождении Ракитича, как всегда, – уточнила Лотта и, прыгнув с постели как была нагишом, принялась рыться в гардеробе.

По мысли Лотты, ненавистная баронесса Корф наверняка воспользуется ее отсутствием, чтобы обольстить, околдовать, очаровать бедного доверчивого Стефана и выудить из него соглашение по поводу Дубровника. А этого ни в коем случае нельзя было допустить.

Надо сказать, что подозрения балерины оправдались: прибыв на вечер, она сразу же заметила в толпе гостей Амалию, которая непринужденно беседовала с наследником. Впрочем, настроение балерины тотчас улучшилось, потому что, хоть платье баронессы и было великолепно, сегодня она была почти без украшений и, стало быть, никак не могла соперничать с Лоттой, которая надела чуть ли не все подаренные ей королем драгоценности. Однако, едва Амалия повернулась, балерина увидела на ее шее восхитительный бриллиант не то голубого, не то сиреневого оттенка[11 - Об истории этого камня и о том, как он оказался у Амалии, можно прочитать в романе «На службе его величества»]. Этот камень словно магнитом притягивал взоры окружающих, и, конечно, к такому украшению не были нужны никакие дополнения.

Кусая губы, Лотта смотрела, как соперница сделала самый очаровательный, самый изысканный реверанс Стефану, который, судя по его лицу, в это мгновение ничуть уже не жалел, что явился на скучный вечер. А королева Шарлотта едва ли не впервые в жизни испытывала удовлетворение при мысли, что нашелся хоть один человек, сумевший уесть балетную потаскушку, которая залезла в постель ее законного супруга.

– Однако вы становитесь царицей нашего скромного люблянского света, сударыня! – заметил король Амалии. – Я вижу вас всюду, куда ни прихожу.

– Главное для света – чтобы было солнце, сир, – ответила Амалия, улыбаясь, и поглядела на него многозначительным взором, словно он и был этим солнцем.

Стоявший в нескольких шагах Верчелли, который слышал весь разговор, опечалился. Старому ворчуну искренне нравилась Амалия – так же сильно, как не нравилась роль, которую она на себя брала.

Стефан хотел ответить любезностью на любезность, но увы: он не обладал красноречием своего отца и не смог придумать ничего, чтобы затмить смелый каламбур баронессы. Чувствуя, что еще немного, и эта женщина совершенно его загипнотизирует, он очень кстати вспомнил о существовании своей жены и

отошел к ней. А Амалия обратилась к Войкевичу:

– Господин полковник!

– К вашим услугам, сударыня?

Амалия поблагодарила его за присланный веер и выразила желание, чтобы в следующий раз он подарил ей веер, который принадлежал, к примеру, императрице Жозефине. Коварный Милорад поклонился и, прижав руку к сердцу, объявил, что ради такой очаровательной дамы он достанет луну с неба, правда, солнце не обещает. Эта маленькая пикировка, полная скрытого подтекста, не ускользнула от внимания австрийского резидента, который блуждал поблизости, как неприкаянная комета, бросая подозрительные взгляды на русскую авантюристку. Он успокоился только тогда, когда гости расселись и королева-мать, волнуясь, произнесла небольшую речь о деятельности королевского благотворительного общества. В Дубровнике создан новый приют для сирот и подкидышей... В Сплите общество помогло семье сапожника, чья хибара сгорела дотла... В Любляне...

Амалия давно размышляла о пользе благотворительности, и, невзирая на доводы некоторых рассудительных, или, возможно, прижимистых людей, которые указывали на то, что излишняя благотворительность поощряет бездельников, развращает и приучает уповать на помощь свыше, а не действовать самим, она давно решила этот вопрос для себя. Лучше делать хоть что-то, чем не делать ничего; а если не хочешь или не можешь ничего делать, то лучше молчать, а не философствовать. В Петербурге она много занималась благотворительностью и являлась членом нескольких обществ – помощи сиротам, калекам, инвалидам войны и так далее. Здесь, в Любляне, ей сразу же бросилось в глаза, что все организовано очень скромно, без размаха и без особой фантазии. В то же время ей понравилось волнение королевы-матери, по-видимому вполне искреннее, и то, как звенел ее голос, когда она рассказывала о бедных и обездоленных. Так как в программе вечера значился аукцион, все средства от которого должны были пойти на благотворительные нужды, Амалия решила, что обязательно что-нибудь купит.

Однако сначала выступила певица люблянского театра, которую баронесса нашла крикливой и манерной, затем дети аристократов представили сценку из трагедии Бреговича «Гибель Клеопатры» – тема, по которой до иллирийского поэта высказалась чуть ли не половина классиков, включая мистера Шекспира,

тема, можно сказать, затупившая немало писчих перьев, производившихся во все времена. Певице хлопали, вполголоса обмениваясь замечаниями, что она сегодня не в голосе, детям хлопали еще щедрее, уверяя, что, если бы не их происхождение, они бы прямо сейчас заткнули за пояс Тальма, Муне-Сюлли и прочих корифеев сцены, и Амалия почувствовала себя почти что в России. Наконец начался благотворительный аукцион, и королева-мать подозвала Войкевича, чтобы он помог ей представлять лоты.

Сначала продавали несколько табакерок, которые приобрел наследник, слегка поторговавшийся с генералом Новаковичем. Потом появились картинки, нарисованные принцессами – дочерьми Стефана, и не то чтобы картинки были хороши или действительно нужны кому-то, но из уважения к королю гости изобразили вялый торг. Граф Верчелли, выразительно выгнув бровь, следил, как наследник, генерал Ракитич и еще двое человек поднимают ставки, в глубине души мечтая только проиграть. В конце концов, вмешался король и предложил на пять золотых больше, чем остальные. Подхалимы захлопали в ладоши, а королева искренне обрадовалась тому, что рисунки ее девочек останутся в семье. По большому счету, благотворительность наводила на нее скуку, она считала, что бедняки все равно останутся бедными, вшивыми и грязными, сколько для них ни делай, и не понимала стремления своей свекрови непременно приобщить к помощи обществу всю семью. Однако на людях королева Шарлотта остерегалась показывать свои чувства, раз уж филантропия была нынче в моде.

Затем вниманию публики представили несколько народных поделок, которые приобрел Кислинг – исключительно ради того, чтобы повеселить свое начальство в Вене. Под конец явилась вышивка, сделанная собственноручно самой королевой-матерью. На ней было изображено озеро, беседка и два лебедя, плывущие по воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Об этом подробно рассказывается в романе французского писателя Альфонса Доде «Короли в изгнании».

2

О начале этой дружбы можно прочитать в романе «Отравленная маска».

3

Обо всем этом рассказывается в романе Доде «Короли в изгнании».

4

Жак Дусе (1853–1929) – знаменитый французский модельер.

5

Набор украшений в одном стиле.

6

Морис Лелуар (1851–1940) – французский художник; более всего знаменит своими иллюстрациями к классическим произведениям мировой литературы («Три мушкетера», «Манон Леско» и др.)

7

Подробнее прочитать об этом можно в романе «На службе его величества».

8

Спасибо, сударь (франц.).

9

Руку в перчатке (не бальной) согласно тогдашнему этикету целовать было не принято.

10

Роза (лат.).

11

Об истории этого камня и о том, как он оказался у Амалии, можно прочитать в романе «На службе его величества».

Купить: https://tellnovel.com/verbinina_valeriya/zolotaya-vsadnica

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)